Костёр

8

АВГУСТ

1960

Фото А. Ритова

ЮНЫЙ ГЕОЛОГ

Костёр

8

АВГУСТ

1960

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, СКАЗКИ

«АЛФРЕД» Р. Погодина, «ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА» Н. Гессе и З. Задунайской, «ХОДЖА НАСРЕДДИН И СЕМЬ МАМЕДОВ», «КОМУ ЧТО УДИВИТЕЛЬНО» Виктора Голявкина, «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОДНИ ВТРОЕМ» А. Минчковского

*

СТИХИ

Иосифа Курлата, Анатолия Павлухина, ребят Липногорской школы

*

ОЧЕРКИ

«КУДА НИ КИНЬ — ВСЮДУ КЛИН», «МИШКИНА БАСНЯ» Игн. Ивановского, «ТЫСЯЧА МЕТРОВ» Е. Гаккель, «ГОРОДА ВЫХОДЯТ НА ОРБИТУ» В. Ланцова, «ЧЕРНЫЙ АИСТ» А. Сосунова, «ГРОМОВЫЕ СТРЕЛЫ» Л. Клейна, «НЕВИДИМКИ ПРЯЧУТСЯ В ЗЕМЛЕ» Э. Новикова, «ПАМЯТНИКИ ДАЛЕКОЙ СТАРИНЫ» Г. Сахарук

*

СПОРТ

*

ГОЛОВОЛОМКИ, ЗАДАЧИ

*

На обложке рисунок И. Харкевича

На второй странице обложки фото Б. Ритова «Геолог»

На титуле фото Б. Уткина «Знатный каменщик И. Я. Ефимов»

АЛФРЕД

Р. Погодин *Рисунки И. Харкевича*

Мы его отлупили. В кровь. Но легче нам от этого все равно не стало. Спроси меня: за что? Я, пожалуй, и ответить не смогу толком. Знаю одно — били мы его за дело.

Деревня наша называется Светлый Бор. Другой такой деревни по красоте нет, наверное. Речка Тихоня вся блестит, словно это и не речка вовсе, а солнечный луч. Потом леса. Слышали по радио, как играет орган? Я до сих пор думаю, что играл он про наши леса. Словно ветер заплутался между стволами, закружился. Рвется вверх, на простор, а сосны держат его и гудят басовито.

Чтобы рассказать про наши леса, нужны слова грустные и радостные в то же время. Мне кажется — эти слова я знал когда-то, потом забыл...

Дороги в нашей деревне мягкие. Ноги грузнут по щиколотку в горячей пыли. Пыль не такая, как в городе, не летучая. Она, как вода. Гуси дорогу переходят, будто плывут.

Воздух у нас ароматный, густой. Старики говорят, что из нашего воздуха можно пиво варить.

Алфред, наверно, не понимал такой красоты. Задень она его хоть легонько, все получилось бы по-другому. Алфред, наверно, никогда не видел, как цветут яблони. Словно тысячи розовых птиц опустились на ветки и колдуют там, шевеля крыльями. Ни одна даже самая малая веточка не согнется под их тяжестью — они поднимаются кверху, будто хотят улететь в голубое небо.

У нас в деревне много садов. Развел их старый дед Улан. Когда-то давно он служил в кавалерии. С тех пор у него осталась кличка Улан и шрам на виске.

Годы его уже на вторую сотню перевалили. Никто не знает толком, сколько ему лет сейчас, то ли сто восемь, то ли сто девять.

На ребят у деда плохая память. Сколько их выросло на его жизни — разве упомнишь! Улан нас по-своему различает. Если черные пятки, косматая голова, волосы цвета старой соломы, если мальчишка сует свой нос во все деревенские дела — значит, Васька. Если мальчишка причесанный, в скрипучих сандалиях, на голове тюбетейка, чтобы солнцем в темя не ударило, если мальчишкины глаза смотрят на деревню с презрением и скукой — значит, Алфред.

Всегда получается так. В начале лета Алфредов полно — приезжают из города. Ходят особняком, словно туристы с другой планеты. Под осень все городские до того пообвыкнутся, такими станут Васьками — смотреть приятно. А тот, про которого я хочу рассказать, как приехал Алфредом, так и остался Алфредом. Наверно, и в городе он Алфред. Лупят его там тоже. И правильно делают.

Но не могу я начать рассказ прямо с него, не заслуживает он такого почета. Лучше я расскажу сначала про наших ребят, про Степку да Гурьку.

Степка наш, деревенский. Гурька каждое лето приезжает из Ленинграда. Сбросит свои городские ланцы, — так у нас в деревне называют одежду, — и ходит в одних узеньких трусиках. Старухи ему пальцами грозят, называют его босяком-голоштанником. А он ноль внимания на старушечью воркотню. Говорит:

— Отстали по старости лет. Нужно, чтобы кожу за лето продуло ветром насквозь, солнцем прожарило, тогда всю зиму будет тепло.

Зато Степка даже в самый жаркий день не снимает брюки, боится потерять солидность и уважение.

Степка никогда не сердится по пустякам. Он немножко сутулый, словно несет на плечах что-то тяжелое.

Гурька веселый, все у него просто. Что думает, то сразу и говорит.

Есть у нас еще один человек — Любка. Мне про нее говорить трудно. Я в девчонках неважно разбираюсь, они непонятные. А эта и вовсе.

Иногда совсем на мальчишку похожа. Бегает в трусах да в майке. На прополке за ней не поспеть. Сено возить — Любка воз кладет. На возу самое трудное. И корову доить Любка умела не хуже взрослой. А иногда, вроде что-то найдет на нее. Напялит на себя материну кофту желтую. Обмотает шею бусами из рябины. Цветов в волосы натычет. Будь на дороге сто луж, она возле каждой остановится, посмотрит на свое отражение.

Мы ей говорим:

— Ну что ты в лужу глаза таращишь?

Она отвечает:

— Как я выгляжу на фоне неба?

Потом отвернется от нас и вздохнет. Может быть, она нас немножко презирала? Девчонок такое бывает. К тому же, видом своим мы не очень отличались. Голоса хриплые. А разговоры...

Любка смотрит на нас, бывало, смотрит, потом головой помотает и скажет с укором:

— Глупые вы, как телята.

— А ты, умная, почем горшки? — скажет ей Гурька.

А Степка — тот промолчит. Только один раз он с Любкой поссорился. Это еще до Алфреда было.

Мы что делали: купались целыми днями, ходили в лес за малиной, по грибы. На сенокосе помогали, на огородах. По вечерам крали яблоки. Дед Улан вывел много сортов: скрыжапель, бельфлер, золотая кандиль, розмарин. У нас для яблок свои названия: белый Фрол, розмария, золотое кадило.

Кражу яблок мы не считали воровством. Крали во всех садах, кроме, конечно, колхозного, — там сторож с собакой. И еще мы не трогали яблок в саду у деда Улана. Это еще до нас было заведено.

Помню, сидели мы на бревнах. Яблоки грызли. До того наелись, что язык во рту будто ошпаренный.

Степка сказал:

— Эх, засадить бы всю землю фруктами, чтобы каждая кочка цвела. Была бы тогда земля веселая, как клумба.

Он размахнулся, кинул яблоко в телеграфный столб. Попал. Яблоко разлетелось от удара в разные стороны, как граната.

— Правильно, — сказал Гурька. — Это при коммунизме так будет... — И тоже бросил яблоко в столб и добавил с удивлением: — Лет через двадцать так будет. Везде техника и сплошные сады. Вот черт, красотища будет, а?

Любка встала тогда и засмеялась. Ковыряет мягкую землю ногой и смеется. Только не весело.

— Быстрее бы в нашей деревне клуб построили. Дороги асфальтовые. По вечерам электрические вывески, как северное сияние. Я читала, в будущем вместо деревень построят агрогорода...

— Тебя туда жить не пустят, — сказал кто-то.

Любка посмотрела на нас и сказала грустно:

— Смотреть на вас странно. Слушать вас

— Надо метилфтолатом мазаться, тогда не укусят.

Мы обернулись.

У канавы стояла Любка и с нею незнакомый мальчишка в голубой рубашке, в трусиках с ремешком.

— Ишь ты, — сказал Гуркин дядя. — Всё знаешь. — Он включил сцепление и поплыл к деревне.

А незнакомый мальчишка смеется:

— Шутник этот тракторист.

— Это не тракторист, а главный инженер, — сказал Гурька.

— Хорошо, — сказал мальчишка. — Я же с вами не спорю.

А Любка стоит, молчит, словно совсем незнакома с нами.

Степка смотрит на них. И вдруг ни с того, ни с сего берет мальчишку за ворот.

— Слушай, ты, Алфред. А если я тебе фотографию помну для знакомства?

Мальчишка покосился на Любку и сказал храбро:

— Не посмеешь. Я французский бокс знаю.

Он выставил перед собой кулаки и заскакал на цыпочках.

Мы с Гуркой ничего не понимаем. Что происходит? Почему Степка на этого Алфреда жмет?

— Потанцуй, потанцуй, Алфред. У меня время есть. Люблю танцы глядеть, — сказал Степка сквозь зубы. — Ну-ка, еще какую-нибудь фигуру покажи.

Мальчишка перестал прыгать, но кулаками возле подбородка водит.

Степка обошел его кругом. Поинтересовался:

— Что, во французском по уху нельзя?

— Нельзя.

— Ну так я по-русски... — Степка замахнулся.

И тут Любка сунулась. Стала между ними.

— Не смей бить человека, — сказала она. — Отрастил кулачищи.

Тут и Гурька в разговор вступил:

— Ха, — сказал он. — Ты, Любка, задаешься очень. Не понимаю, почему тебе Степка по ушам не надает. Я бы на его месте не Алфреда, а тебя в первую очередь отхлестал.

— Руки коротки, — сказала Любка. Она повела плечами, мотнула косами...

— Дикари вы. Культуры у вас никакой. И у тебя, Гурька, хоть ты из Ленинграда.

Потом она кивнула Алфреду, — мол, пойдем, нечего с ними связываться.

А мы еще долго стояли у поскотины, — у загородки из жердей, которой деревню обносят, чтобы скотина ночью не вырвалась, не потравила посевы.

Степка шевелил бровью над распухшим глазом. Укушенный, он оказался похожим на Чингиз-Хана.

Гурька спросил:

— Чего ты на этого типа полез?

— Не знаю... Не понравилась мне его рожа...

Но, если правду сказать, — Алфред был красивый. Я знаю, внешняя красота — вещь второстепенная. И всё-таки хорошо быть красивым. Даже моя родная мать и та говорит иногда:

— Ужас, на кого ты похож. Полюбуйся на себя в зеркало. Боже мой, наказание какое...

Зачем мне любоваться в зеркало? Пусть Любка на себя в зеркало любуется, она красивая. Я знаю — я похож на отца, и горжусь. Мой отец был на фронте. Четыре раза ранен. Шесть орденов у него. А сейчас он председатель нашего колхоза. Хоть и некрасивый.

Под вечер мы снова увидели Любку и Алфреда. Они играли в футбол.

Любка была вратарем. Она стояла в старых разломанных воротах. Раньше в эти ворота въезжали телеги, потому что за ними была кузница. Теперь кузница новая, в другом месте, кирпичная. А здесь, вокруг закопченного сруба с просевшей крышей, растет крапива. Лохматая, злая собачья трава. Говорят, если из крапивы сделать носки да надеть их на себя, можно вылечиться от ревматизма. Только никто такие носки не вяжет.

Мы, конечно, остановились, любопытства ради. Может, Алфред в футбол играть горазд.

Приготавливался он к удару, как мастер спорта. Положил на мяч камушек для прицела. Разбежался. Бац!.. Ловко, прямо под штангу. Он для этого ботинки надел.

Любка прыг, ноги врозь, и сидит на земле. А мячик далеко за ее спиной, в крапиве.

Алфред смеется:

— Пропустила, иди за мячом.

Любка полезла в крапиву. Посмотрели мы, у Любки все ноги и руки в больших красных пупырях. Вся обожженная.

Степка молчит. У Гурьки лицо тоскливое.

— Пошли, раз Любке нравится в крапиву лазать, пусть лазает.

Степка стоит, только зубы сильнее стиснул.

Я подошел к Алфреду:

— Ты зачем над Любкой издеваешься? Нашел себе партнера играть в футбол. Она девчонка.

— Никто над нею не издевается, — ухмыльнулся Алфред. — И не футбол это вовсе, а новая игра — «Сам виноват». Пропустил мяч — полезай в крапиву. Если она возьмет, я в ворота стану. Мне в крапиву лезть придется. Все по-честному.

Алфред разбежался. Бац!

Поймала Любка мячик. Прижала к груди и показывает нам язык, словно мы виноваты, что она крапивой ожглась.

Мы смотрим, что будет дальше.

Алфред в воротах растопырился. Любка поставила мяч, закусила косы зубами, разбежалась да как подденет мяч большим пальцем, и тут же села.

Мяч просвистел у Алфреда над головой. Заскочил в самую густую крапиву.

Степка с Гурькой заулыбались. Я тоже стою — рот до ушей.

— Полезай, Алфред. Сам такую дурацкую игру придумал.

Любка посмотрела на нас исподлобья и закричала вдруг:

— Чего вам-то? Чего вы здесь стали? Уходите!

Она поднялась с земли и поскакала на одной ноге к Алфреду. Морщится, видно, очень ушибла палец при ударе. Она бы и в крапиву поскакала, нам на зло.

Алфред ее остановил. Сказал:

— Не горячись, Люба. — И пошел за мячом.

Идет, посвистывает, будто и не крапива его по ногам скребет, а, к примеру, ландыш. Взял мяч, подбросил его. Поймал там же, в крапиве.

Мы ему смотрим на ноги — ни одного волдыря. А Любка смеется. Шевелит ушибленным пальцем и смеется.

— Ну что, выкусили? Ха-ха-ха... Уходите!

Мы ушли.

Потом мы Алфреда одного встретили у канавы. Алфред сидел, мыл ноги. Проведет носовым платком по ноге — сразу пена.

— У него они мылом намазанные, — догадался Гурька.

Степка сразу — к Алфреду. Спрашивает:

— Ты перед игрой намылил ноги?

— А как же, — смеется Алфред. — Что я, дурак, — об крапиву шпариться...

— А Любка дура?

— Известно, дура... Хотя и от нее польза есть — без дураков скучно.

Степка промолчал, потом спросил спокойно, даже с любопытством:

— Скажи, Алфред, что ты кушаешь?

— Странный вопрос. Тебе зачем знать?

Степка усмехнулся.

— Мне интересно, чем такие паразиты, как ты, питаются?

Алфред вскочил, опять поднес кулаки к подбородку, а сам мечет глазами направо, налево, — смотрит, как удобнее убежать.

— Трое на одного?.. Посмейте только.

Степка оглядел его с ног до головы, сморщился.

У меня чесались кулаки, словно не Любка, а я сам доставал мячи из крапивы. И почему я тогда не вступил с Алфредом в драку? Вы думаете, я его французского бокса испугался? Нет. Мне было стыдно — подумают, что я обиделся за девчонку.

На следующий день я их опять вместе увидел. Я просто так ходил, прогуливался. Подошел к Любкиному дому и увидел. Через дорогу от них малина росла. Кусты молодые, ягод на них еще нет, зато высокие, скрывают с головой.

Любка рубила хряпу для поросят. Хряпа — это зеленые капустные листья. Рубят их сечкой в деревянном корыте. Потом намешают туда отрубей, хлебных корок, остатки каши, зальют теплой водицей, и готова поросячья еда.

Сечка в Любкиных руках, как игла в швейной машине — не уследишь. Строчит вверх-вниз. Идет из одного края корыта к другому. Любка ловкая.

Алфред стоит рядом, наблюдает. Потом вытер руки.

— Давай я.

— Испачкаешься, — ответила Любка. — Чего уж тебе нашим делом мараться.

— Наплевать, если испачкаюсь. Я сейчас тебе покажу, как нужно рубить.

Любка протянула ему сечку.

— На, — говорит, — Шурик, руби.

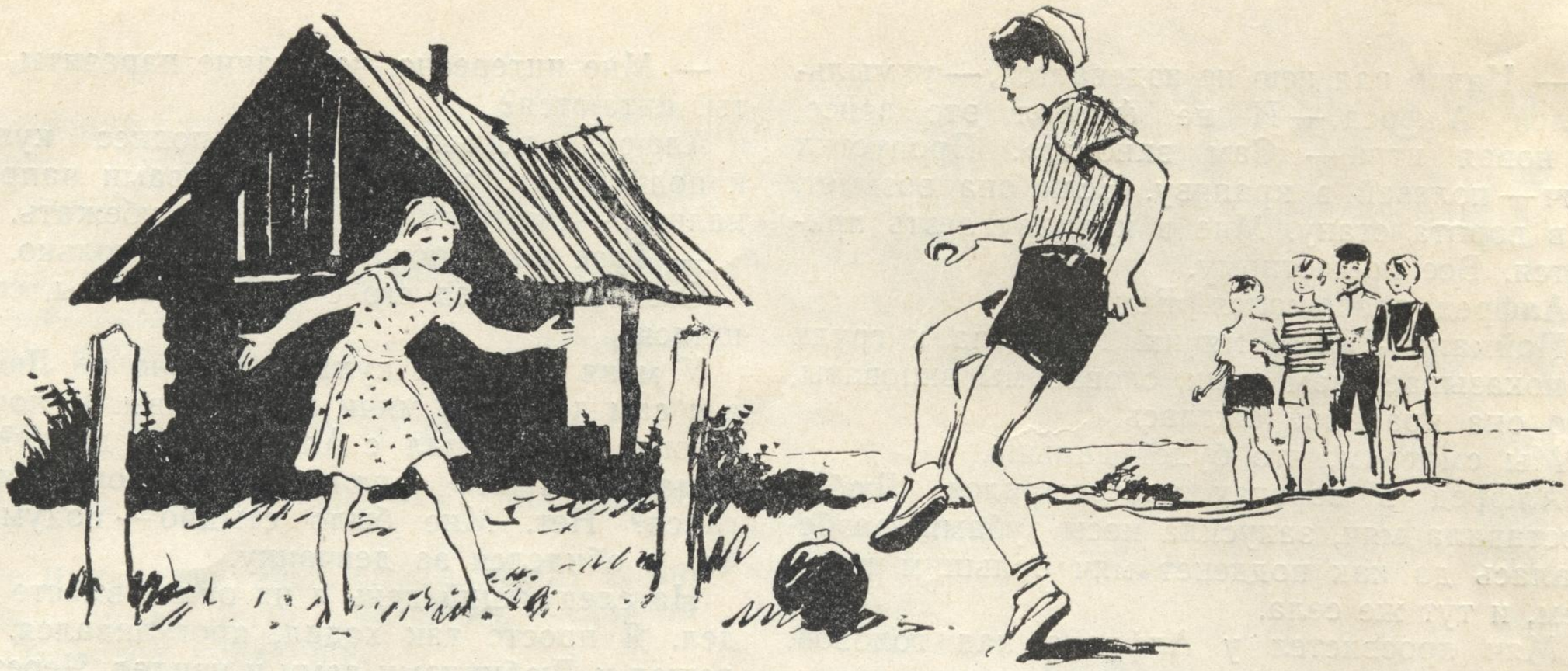
Оказывается, Алфреда Шуриком зовут. Ишь ты, думаю, Шурик. Ишь ты, думаю, какая Любка стала вежливая. Раньше Любка все лето босиком бегала, как все. Пятки черные с трещинами. Только в косах у нее всегда были яркие ленты. А сейчас на ней туфли с пуговками. Правда, ленты в волосах те же. Не придумали еще лент ярче Любкиных.

Алфред подошел к корыту, поднял одну ногу на край, чтобы оно не колыхалось. Размахнулся тяпкой. Бац! Тяпка воткнулась в деревянное дно — ни туда, ни сюда.

— Ты не так сильно, — подсказала Любка. — Давай я покажу, как надо. Ты силу не применяй.

— Это пробный удар, — проворчал Алфред.

Я стою за кустом, и досада у меня и злость. Что он собой показать хочет? Не умеешь — спроси. Люди научат.



Алфред поднял сечку да как застрекочет быстро-быстро, и все по одному месту.

— Ты сечку веди, — говорит Любка.

— Не учи, сам знаю.

Алфред размахнулся опять и... тяп по своей ноге. Даже мне за кустом стало не по себе, будто я его нарочно под локоть толкнул.

Алфред сразу на землю сел. Уцепился за ногу, стучит зубами.

— Ой-ой-ой-ой... — Потом схватил тяпку да как швырнет ее в сторону.

Любка стоит неподвижно, только ресницы вздрагивают. А с Любкиных ресниц на Любкин нос сыплются крупные слезы. Она всегда боялась крови. Когда я весной руку об колючую проволоку рассадил, Любка ревела. Даже не подошла ко мне руку платком перевязать. У нее от крови кружится голова. Пришлось мне тогда платок зубами затягивать. Ну, думаю, кажется, пришла пора вылезать из кустов. Алфред ни Алфред, а помощь оказать нужно. Может быть, у него сильное кровотечение. И вдруг Любка опустилась на колени. Бормочет:

— Снимай сандаль, Шурик...

Алфред зубами стучит. Между пальцами бежит кровь.

Любка зажмурилась. Сняла с его ноги сандалию и носок. Залепила рану подорожником. Побежала в дом. Принесла ковшик воды, бутылочку липок и чистую холщовую тряпку.

Липки у нас в деревне в каждой избе есть. Наберут бабушки ранней весной березовых почек, настоят на водке, вот и все снадобье. Липками его называют потому, что почки по весне прилипают к рукам. Лист оттуда едва свой зеленый гребешок показал, а запаху от него полна улица.

Любка промыла водой Алфредову ногу, плеснула из бутылочки прямо на рану.

Алфред завыл — липки почище йода дерут.

— Тише, тише, это сейчас пройдет, — успокаивает его Любка, а сама бинтует ногу тряпицей.

Алфред встал, попрыгал на одной ноге. Любка ему подала сандалию. На сандалии ремешок разрублен. Я думаю, если бы не этот ремешок, не скакал бы Алфред. Ремешок ему ногу спас.

Алфред схватил сандалию, швырнул прочь.

— Что ты мне ее даешь? Куда она теперь годна? Из-за тебя такую сандалию испортил!

Любка снова подняла Алфредову сандалию. Говорит:

— Ее очень просто починить. Только ремешок зашить, — а сама чуть не плачет.

— Ну и зашивай! — крикнул Алфред. — Все равно она уже не новая будет, а заштатая.

Если бы на Любкином месте был я, я бы Алфреду этой сандалией по башке. А Любка стоит, опустила голову, как виноватая. И так мне стало обидно, что вылез я из малинника и ушел. Чтобы не идти по улице мимо проклятого Алфреда, я пролез в сад. Пошел прямо садом.

Яблоки на ветвях висят. Я к ним без внимания. Кислые еще. Прямо скажу, не смотрел я на яблоки даже. И напрасно меня дядя Николай, Любкин отец, за уши отодрал, не рвал я его яблок.

Несколько дней не встречал я ни Алфреда, ни Любку, потому что мы занялись делом.

Гурькин дядя пришел в правление колхоза и надоумил председателя взять в аренду старенький трактор «Беларусь». Специально для нас, чтобы мы без дела не шатались.

Степка умел водить трактор, Гурька умел, я тоже. Но все равно по вечерам к нам приходил Гурькин дядя и учил всему. Ребят было много, человек пятнадцать. Все хотели научиться.

Колхоз нам отдал старую кузницу. Мы ее вычистили, подлатали крышу. Крапиву во дворе скосили. Земля пахла древесным углем и железом. Хорошо. Зеленая трава, синее небо, черная кузница и красный трактор на высоких колесах. Красиво.

Первая работа была такая: мы возили навоз со скотного двора к парникам. Нагрузим две платформы и тянем. Эту работу Степка сам попросил у председателя. Нам он сказал:

— Кто не хочет — значит, не хочет. В сельском хозяйстве нет работ чистых и грязных.

Никто не отказался. Подумаешь, навоз. Сходим на речку, вымоемся с мылом.

Настала моя очередь вести трактор.

Едем по улице. Я впереди на тракторе. Остальные своим ходом. Горланят песни, шумят. Я смотрю: Любка стоит на краю дороги в туфельках, в носочках. Одна, без Алфреда. Я сразу отвернулся, будто не замечаю ее. Сам думаю: смотри, как я на тракторе еду. А Любка приложила руки к губам и крикнула:

— Эй ты, Леха, жук навозный, чего нос задрал?!

Я будто не слышу.

— Что же ты, Любка, к нам не идешь? — спросил Степка. — Мы, видишь, трактор получили. Видишь, работаем.

— Ну и работайте. От работы кони дохнут... — Любка мотнула головой, ленты у нее в косах вспыхнули начищенной оранжевой медью. Любка зажала нос пальцами: — Фу... Фу... Дышать нельзя. Нашли себе, наконец, занятие. В самый раз, по культуре.

— Ишь какая благородная! — заговорили ребята. — Будто у нее коровы нет.

Степка их остановил, говорит спокойно, даже как будто просит:

— Нам после этой работы другую дадут. Хочешь трактор посмотреть?

— А какое мне дело, — ответила Любка. — Работа дураков любит.

— Ой, Любка, не со своего голоса ты поешь.

Любка опустила голову, сказала тихо:

— Вы и без меня справитесь. Вон вас сколько. Я вам и не нужна поди-ка...

Степка у нее тоже тихо спросил:

— Что это с тобой приключилось, Любка?

— Да ничего с ней не приключилось! Влюбилась в своего Алфреда! — выкрикнул Гурька и засмеялся.

Я поднялся с сидения, чтобы лучше видеть. Мне очень хотелось, чтобы Любка полезла в драку. Она это может. А она отвернулась и побежала в проулок.

— Влюбилась! — заорали ребята. — Алфредова невеста!

— Влюбилась!..

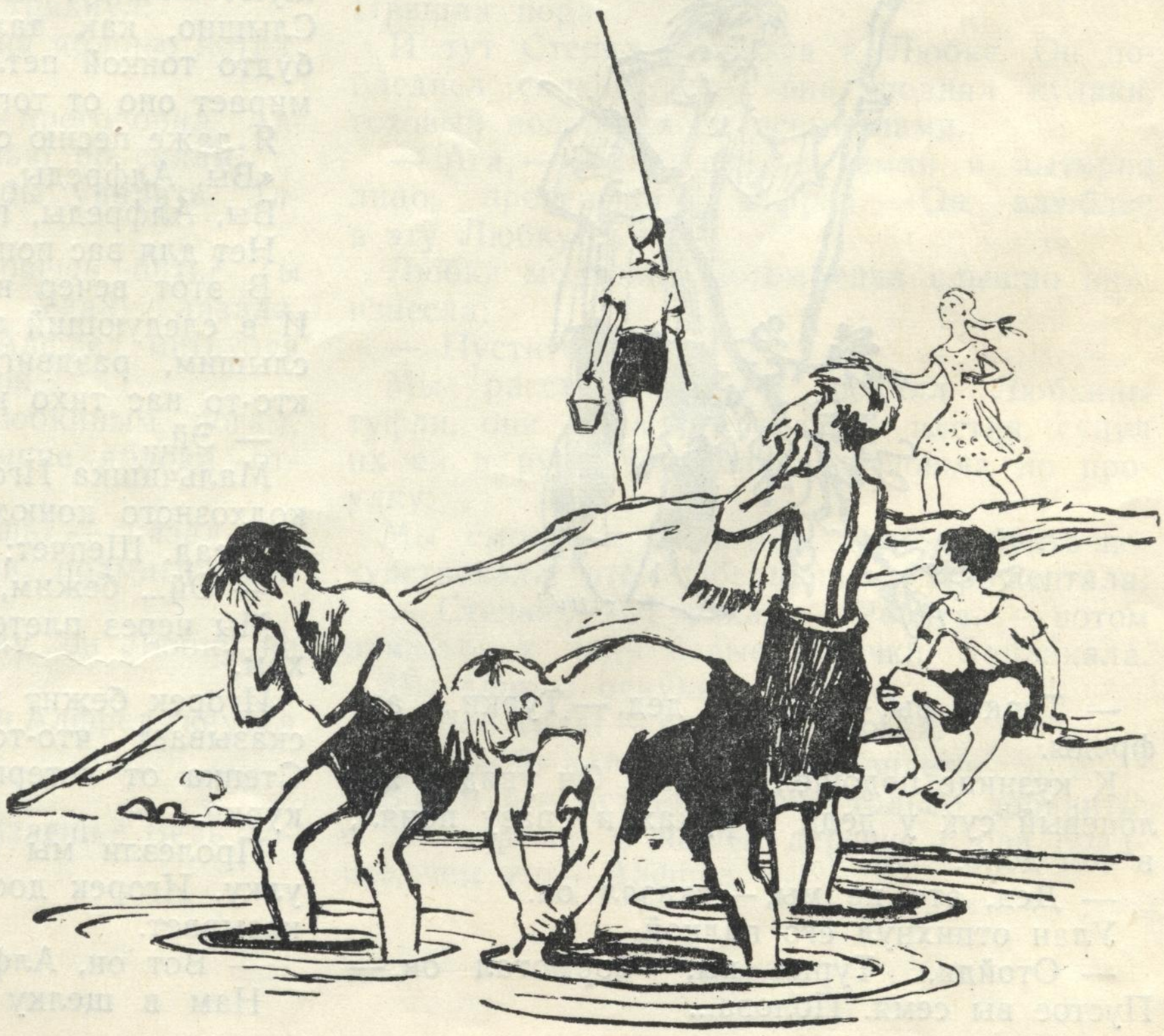
Я тоже закричал. Только Степка не произнес ни слова. Подошел ко мне, ткнул меня кулаком.

— Чего надрываешься? Трогай.

Потом мы возили жерди к реке. Там строили большой загон для свиней и обносили его жердями. Потом мы возили песок, солому — все, что нам было под силу.

Яблоки в садах зрели. Зрела наша ненависть к Алфреду. Почему мы его так ненавидели? Я и сейчас еще толком не понимаю. Кажется, лично нам он не делал никаких гадостей.

Он купался целыми днями. Разъезжал с Любкой на велосипеде. Валялся в гамаке.



Удил рыбу. Когда мы приходили на речку смыть свой рабочий пот и пыль, он удалялся, насвистывая. Причем на нас даже не глядел. А однажды, когда Степка наступил на его рубаху ногой, сказал даже:

— Извините, я хочу взять рубашку.

В другой раз, когда Гурька, нырнув, привязал его леску к коряге, он просто отрезал ее ножом и ушел улыбаясь.

Любка, завидев нас, переходила на другую сторону улицы или сворачивала в проулок.

Может быть, так вот и лето прошло бы, но случилась одна история.

Рано утром все мы лежали у кузницы, возле своего трактора, ждали, когда придет из колхозного правления Степка, принесет наряд на работу. Утреннее солнце клонило в сон. Оно будто водит перышком по щекам. Я заметил: если лежишь на солнце, ничего не делая, всегда хочется задремать.

Вдруг все ребята подняли головы. К кузнице шел дед Улан. Одной рукой он опирался на свою вересовую палку, а другой тащил здоровенный яблоневый сук. Он тащил сук с трудом. Колени у него тряслись, голова вздрагивала.

Дед обвел нас взглядом, словно выискивая кого-то.

— Турки вы, — сказал дед. — Турки... алфреды.

К кузнице подошел Степка. Он увидел яблоневый сук у деда в руках и сразу понял, в чем дело.

— Дед, это не мы, — сказал он.

Улан отпихнул его палкой.

— Отойди... Турки вы, — бормотал он. — Пустое вы семя. Полова...

Дед заплакал. Старый уже был человек. Даже отлупить нас у него не было силы. Мы бы не сопротивлялись, пусть лупит. А он повернулся и пошел прочь. Старается идти быстро. Ноги его не слушаются, только трясутся пуще, а шага не прибавляют.

— Кто? — спросил Степка.

Ребята молчат.

Степка еще раз спросил:

— Кто?.. — потом начал допытывать поименно.

Гурька рассердился, закричал:

— Ты что за прокурор? Говорят, не лазали, значит, не лазали. Кто к Улану полезет?

— Никто, — согласился Степка. — Не было еще, чтобы к Улану в сад лазали.

И тут Гурька догадался:

— Алфред!

— Алфред! — зашумели ребята. — Айда!

Степка всех остановил.

— Куда? Нужно его с поличным захватить.

«Ух, Алфред, тяжко тебе придется», — подумал я.

Целый день мы отработали на своем тракторе — возили торф. А вечером все разошлись по садам караулить Алфреда. Мы со Степкой полезли к деду Улану.

Просидели до темноты.

Ночи у нас тихие, слышно, как бревна потрескивают в стенах, остывая. Как коровы жуют жвачку. Как куры на шестах чешутся. Слышно, как далеко-далеко гудит паровоз, будто тонкой петлей стягивает сердце, и замирает оно от того крика.

Я даже песню сочинять стал:

«Вы, Алфреды, гады,
Вы, Алфреды, паразиты.
Нет для вас пощады...»

В этот вечер в садах было все спокойно. И в следующий тоже. Зато на третий вечер слышим, раздвигаются в плетне прутья и кто-то нас тихо кличет:

— Эй...

Мальчишка Игорек, совсем маленький, сын колхозного конюха, просунул голову в Уланов сад. Шепчет:

— Эй... бежим, я Алфреда углядел.

Мы через плетень, как козлы, — одним махом.

Игорек бежит между нами, шуршит — рассказывает что-то. Нам некогда слушать. Степка от нетерпения подхватил его на закурки.

Пролезли мы через Игорьков дом к проулку. Игорек доску в заборе отодвинул, показывает.

— Вот он, Алфред, глядите.

Нам в щелку виден весь проулок. Луна

светит. Возле плетня в тени притаился Алфред. Стоит тихо. А сад-то... Степкин.

Степка кулаки сжал.

— Выжидает, гадюка... Беги, зови ребят.

Скоро в Игорьковом дворе собралась толпа. Стоим, ждем, когда Алфред в сад полезет. Некоторые даже приговаривают:

— Ну полезай же ты, Алфред несчастный.

И вдруг через забор из сада кто-то спрыгнул.

— Любка?

Так и есть — она. Вытащила из-за пазухи яблоко, протянула Алфреду.

Алфред прислонился к плетню, жрет яблоко и что-то шепчет Любке и хихикает.

И тут мы все сразу через забор, чуть им не на головы.

— Стойте, голубчики!

Алфред уронил яблоко, глазами туда-сюда. Мы стоим плотно — не удерешь!

Степка взял Алфреда за горло у самого ворота.

— Ты у деда Улана яблоню сломал?.. — Степка выругался и оглянулся на Любку. Забормотал что-то: неловко ему стало за свою брань.

И я смотрю на Любку. В темноте все люди кажутся бледными. А Любкино лицо сейчас белее зубов. Платье у нее перетянуто пояском. За пазухой яблоки.

Степка Алфреда еще раз тряхнул:

— Говори, ты у деда Улана яблоню потравил?

— Ничего я не знаю, — проговорил Алфред. — Я не вор. Я не лазаю по садам!

Степка поднял руку, чтобы ударить. Алфред вцепился в его кулак.

— А за что ты меня хочешь бить? Ты Любку бей. Она к деду Улану лазала. И сюда тоже ведь она... — Алфред метнулся к Любке, рванул ее за поясок.

Яблоки посыпались к Любкиным ногам, будто ветку тряхнули. Большие яблоки, отборные.

— Что же ты ее не ударишь? — сказал Алфред. Он обвел нас глазами, подмигивая и кривя рот.

— Эй вы, я знаю, почему он Любку не бьет. Он...

— Эх... — Степка ударил, и Алфред ткнулся носом прямо в эти яблоки.

Я подошел к Любке.

— Ты зачем на яблоню лазаешь? Ведь договаривались.

— А тебе что? — сказала она глухо. — Бейте...

Любка стояла не двигаясь, даже пояска не подняла.

Гурька подошел к ней.

— Думаешь, любоваться тобой будем? Пришла пора...

И тут Степка бросился к Любке. Он побледнел сильнее, чем она, поднял кулаки, готовый подраться со всеми нами.

— Ага, — поднимаясь с земли и вытирая лицо, проверещал Алфред. — Он влюблен в эту Любку! Ха-ха!..

Любка молчала. Потом едва слышно произнесла:

— Пустите меня.

Мы расступились. Я поднял Любкины туфли, они лежали в траве у плетня, сунул их ей в руку. Она взяла и пошла по проулку.

Мы смотрели ей вслед. Любка будто почувствовала это. Обернулась. Прошептала:

— Степка... Гурька... Ребята... — потом прижала к лицу белые носочки. Заплакала.

Мы словно очнулись.

— Бей гада! — крикнул Гурька.

Что было дальше, вы уже знаете.

Вот и вся история. Хочу только добавить: с тех пор нет в нашей деревне слова обиднее, чем это — Алфред.

КУДА НИ КИНЬ—

В Анкаре беспорядки.

В Южной Корее восстание.

В Японии демонстрации.

В Турции...

— Триста тысяч демонстрантов в японской столице. Красные знамена на площадях Токио. Рабочие и студенты осаждают парламент.

...Звучат голоса в эфире. И звучат выстрелы в Токио. И падает мертвой у стен парламента студентка Митико Канда — обыкновенная

Каждый день на разных волнах звучат голоса дикторов в эфире:

— Турецкие студенты вышли на улицы. Полиция открыла огонь.

— Бои на улицах Сеула. Народ разбивает статуи Ли Сын Мана. Президент бежал.

ВСЮДУ КЛИН

В Южной Корее...

В Японии...

Вчера — Южная Корея. Сегодня — Япония. А завтра?

японская девушка, мечтавшая видеть свою страну мирной и независимой. Но идут новые и новые колонны демонстрантов.

«Долой американские военные базы! Долой продажное правительство!»

А в Вашингтоне над секретными картами хмурятся в бессильной ярости американские генералы. Еще совсем недавно они считали Южную Корею и Турцию своими самыми надежными союзниками. Еще совсем недавно прикидывали, сколько новых ракетных баз построят на японской земле. А теперь...

— В Сеуле мобилизованы все наличные силы полиции.

— В Токио стягиваются полицейские.

Теперь только и осталась одна надежда — на полицию.

Но гнев народа растет. И нет на земле страны, где бы американские империалисты чувствовали себя спокойно. С тревогой всматриваются они в карту мира.

Мельбурн — РИМ

Високосный год имеет две замечательные приметы. Во-первых, он на один день длиннее всех других, а во-вторых — это год Олимпийских игр.

То, что происходит раз в четыре года, хорошо запоминается. Наверно поэтому все, кому довелось побывать на играх в Мельбурне, отчетливо помнят каждый из семнадцати олимпийских дней.

В чем главная особенность Мельбурнских игр?

Одни скажут: «Мельбурн — родина одиннадцати мировых и шестидесяти шести олимпийских рекордов». Другие скажут: «На играх в Мельбурне участвовало 3538 спортсменов из 68 стран».

А мне, очевидцу и участнику мельбурнских встреч, хочется отметить иное: «Главное в Мельбурне — это дружба, возникшая между спортсменами разных стран».

Ковалась эта дружба и на стадионе, и на тренировочных площадках, и в олимпийской «деревне», где жили участники игр. Олимпийцы свободно встречались друг с другом, обменивались опытом тренировок, делились «секретами» мастерства, беседовали и спорили на любые темы.

Олимпия. Здесь 2 ноября 1956 года вспыхнул олимпийский факел. Его зажгли не от спички, а от солнца с помощью увеличительного стекла. Таков обычай.

Отсюда эстафетой факел понесли в далекий Мельбурн. Последним в эстафете был чемпион Австралии по бегу среди юношей Рои Кларк. Он вбежал с факелом на стадион и зажег огонь в олимпийской чаше.

Советские спортсмены всегда находились в центре внимания. К домикам нашей делегации шел непрерывный поток гостей. Стоило появиться на улице спортсмену в светло-синем костюме с белыми буквами «СССР» на груди, как его немедленно окружала толпа.

В Мельбурне возникли дружеские связи между советскими и американскими легкоатлетами. Как-то на стадионе один из американских тренеров сказал: «Советская и американская команды — сильнейшие в мире, а состязаемся мы раз в четыре года. Это же чертовски мало! Надо встречаться каждый год».

Наши легкоатлеты горячо поддержали американцев. Там же, в Мельбурне, договорились об условиях будущих встреч. И они состоялись! В 1958 году — в Москве, а в 1959 году — в Филадельфии. В обоих матчах победили наши легкоатлеты.

По вечерам олимпийцы собирались в клубе. Здесь можно было посмотреть фильм, послушать концерт, потанцевать, обменяться значками. Последнее многие делали с таким азартом, словно задумали собрать кол-

лекцию спортивных значков всех стран мира.

Большой популярностью пользовались советские значки. Как-то на стадионе ко мне подошел австралийский школьник и спросил, из какой я страны. «Советский Союз», — сказал я.

— Подарите мне что-нибудь на память, — попросил мальчик.

Я подарил ему пионерский значок и рассказал о тех, кто носит его на груди. Через несколько минут я был окружен его друзьями. Они хотели получить точно такие же значки. К счастью, хватило на всех. На прощание ребята подарили мне брошюры с видами Мельбурна.

Австралийские школьники активно участвовали в Олимпиаде. Они помогали судьям, выполняли различные обязанности по обслуживанию спортсменов, а в дни соревнований занимали немало мест на трибунах.

Олимпийская борьба развивалась очень остро. В первые дни мы проигрывали команде США. Газеты ежедневно на видных местах печатали таблицы результатов. Наш проигрыш дошел до 80 очков. И все-таки мы были уверены в своих силах. Мы не сомневались в том, что опередим американцев. Так и вышло. Наши борцы, боксеры, стрелки, гимнасты взяли реванш. Это случилось за три дня до окончания игр. Но утром, развернув газеты, мы не увидели знакомых таблиц. Позвонили в редакцию. Нам объяснили: накануне очень поздно кончились соревнования — очки не успели подсчитать... Мы понимающе переглянулись: липа! Были дни, когда соревнования кончались еще позднее, и, тем не менее, таблицы печатались. Просто не хотелось хозяевам австралийских газет помещать таблицы, говорящие о победах советских спортсменов.

Но больше одного дня скрывать счет очков не удалось. Успех советских спортсменов стал таким явным, что пришлось опубликовать итоговые цифры: 622 очка у команды СССР, 497 — у команды США. Мы впереди на 125 очков! Здóрово! Надо было видеть, как горели глаза у наших ребят. Мы гордились своим спортом. Да и как не гордиться, как не радоваться! Ведь 37 раз над Мельбурном звучал гимн Советского Союза, возвещая о победах наших спортсменов.

...Угасал олимпийский огонь. На центральных мачтах стадиона реяли три флага. Греческий, австралийский и итальянский — флаг страны, где через четыре года снова запылает олимпийский огонь.

Прощаясь, мы говорили друг другу:

— До встречи в Риме!

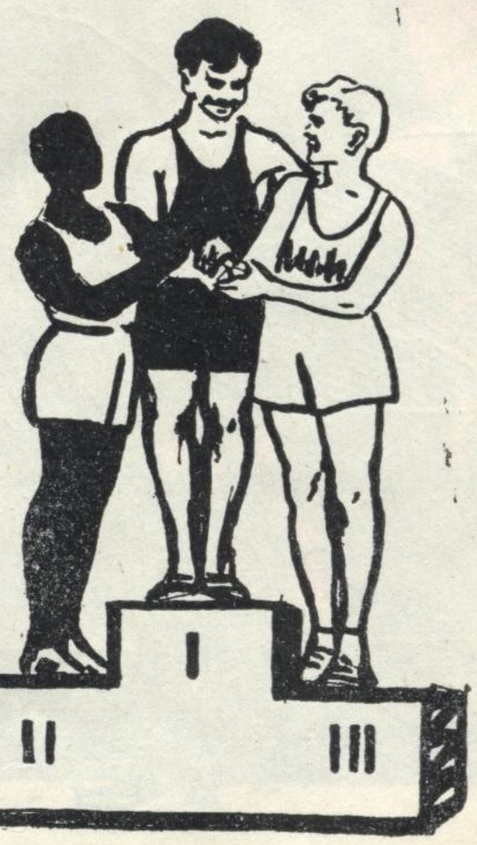
* * *

И вот прошли четыре года. И снова сильнейшие атлеты мира встречаются под олимпийским флагом. Позади годы тренировок, годы напряженного труда, отборочные турниры, конкурсы, спартакиады. Семь тысяч лучших съезжаются в Рим. Представители спорта почти 90 стран. Такого количества участников не знала еще ни одна Олимпиада. Это своеобразный рекорд, зафиксированный еще до начала игр.

Задолго до приезда спортсменов улицы Рима украсила олимпийская эмблема — пять переплетенных колец разного цвета: желтое — Азия, черное — Африка, красное — Америка, голубое — Европа, зеленое — Австралия.

Пять колец — пять частей света, спаянных дружбой...

А. Иссурин, судья международной категории



Море заболело

Иосиф Курлат

Врач подходит к морю хмурый,
Врач прищурил левый глаз:
«Море, вам температуру
Я померяю сейчас.
Вы вчера резвились слишком,
Целый день носились вскачь...»
Новый градусник под мышку
Сунул морю грозный врач.
«Двадцать два и три десятых...
Да у вас упадок сил!
Вы больны, и я ребятам
Приходить к вам запретил».
Луч на небе из оконца
Заглянул к врачу в листок:
Прописал он морю солнце,
Свежий летний ветерок.
И сказал: «Лекарства эти
Вас помогут излечить,
И тогда к вам в гости дети
Снова будут приходить».

Рисунок Н. Муратова

ШАХТЕРЫ

Сотрудник на шахте выдает мне рабочую спецовку и фонарик. Если вечером фонарик не будет сдан, значит, там, внизу, что-то случилось и меня начнут искать. Каждое утро спускаюсь в шахту, поднимаюсь наверх после смены. По вечерам пишу портреты шахтеров, рисую обгоревших на солнце мальчишек. И так несколько месяцев.

А на будущий год — снова сюда. Или на другую шахту — в Сланцы, в Сибирь, на Урал. И зимой в Ленинграде я не забывал о своих шахтерах, — иначе для чего бы я тогда ездил! Рисовал, резал линолеум, печатал гравюры.

Вот он, мой герой. Из какой шахты он вышел? Трудно ответить, ведь я не стремился в точности изобразить какого-то определенного рабочего. На гравюре — шахтер. Только что кончилась его смена. Он устал и еще не успел помыться. Вышел на солнце, и оно облило его своими лучами. Он улыбается, зубы блестят на черном лице. Полторы нормы, — он доволен сегодняшним днем. И за завтрашний ему не нужно тревожиться. Это счастливый человек. Советский рабочий.

...Сосредоточенные лица. Фонарь, словно прожектор, врезается в темноту. Отбойные молотки рубят пласт. Натиск. Мне показалось, что шахтеры похожи на солдат — недаром болгары называют добычу угля фронтом.

А вот идет на-гора́ то, что вырубили сегодня в забоях. Медленно стучат тяжелые вагонетки. Стоя у стены туннеля, шахтер следит за их ходом, — фонарь в руке освещает путь. Другая рука не выпускает рычаг: если что не в порядке, движение тотчас же остановится.

Серия моих линогравюр «Шахтеры» была показана на выставке в Москве. И если какой-нибудь шахтер, проходя по залам, остановился около них, посмотрел и сказал: «Здо́рово работают, бесы», — значит, гравюры мне удались.

Владимир Ветрогонский

В ПОЛЕ

Рисунок Ю. Подляского

Пионер любит труд

Игн. Ивановский

Рисунки Б. Власова

Мишкина басня

Мать вошла с охапкой дров. С грохотом опустила дрова у печки, выпрямилась. Мишка за столом быстренько допил молоко, сунул в карман ломоть хлеба, взялся за шапку. Мать нахмурилась.

— Это еще куда?

— Я, мама, в школу, — заторопился Мишка. — Дело есть. Обязательно надо...

— И не думай, — отрезала мать. — Не пойдешь.

Взяла коробку спичек, достала одну, чиркнула. Спичка сломалась. Мать швырнула коробок.

— Обязательно! Обязанные какие! Дня вам мало, скоро ночью работать будете на своего директора. Только и слышу: школа да школа. Дома свое хозяйство есть, нечего в школу бегать. Иди колья затесывай, ограду ставить надо. Слышишь?

— Слышу, — пробурчал Мишка. — А только я все равно в школу пойду. Подождет ограда.

Рассерженная мать кинулась в угол за ухватом, а Мишка выскочил в сени, оттуда на двор и на улицу.

Забежав за угол, Мишка немного отдышался и пошел шагом, размышляя, зайти ли ему за Валеркой, или тот уже в школе.

«И что она все на школу напускается! — думал Мишка о матери. — Будто мы там зря время проводим. Небось, как шоферские права получу, сама обрадуется».

...Валеркина мать примеряла сыну новую рубаху.

— Я тебя на крыльце подожду, — сказал Мишка.

Он сел на ступеньку и вытащил из-за пазухи помятую тетрадку в косую линеечку, а из кармана штанов — огрызок карандаша.

Ребята уговорились устроить в школе вечер отдыха. Для этого каждый взялся написать стихотворение. Месяц сроку подходил к концу, а Мишка не придумал еще ни одной строчки.

Говорят, что для стихов нужно вдохновение, когда человек ходит как будто немного ошалелый, и бывает это вдохновение даже от пустяков. Увидел поэт радугу на небе или там незабудку, — и пожалуйста, готово стихотворение.

От разных причин бывает вдохновение. Но еще ни разу ни у кого не бывало вдохновения от того, что его отругала мать. И даже чуть не огрела ухватом.

А вот на Мишку от этого сошло вдохновение. Да еще какое! Его прямо-таки осенило. Тут же, на крыльце, он написал в тетради: МЕДВЕДИ И МЕДВЕЖАТА. Басня.

Из-под Мишкиного карандаша полезли корявые нескладные строчки. Пришлось зачеркивать, надписывать, опять зачеркивать. Похоже было на то, как Мишка пробовал пахать на Резвом, — то плуг идет поверху, то захватывает землю, то вонзается в самую глубь, и Резвый останавливается.

Мишка перечитал:

В сосновом бору, где деревья шумели,
Где белка давала орехи зверям,
Рычали Медведи, Медведи ревели:
«Мы этому Лосю дадим по рогам!»

Каждого зверя в басне пишут с большой буквы, это Мишка знал. Ребят и родителей он сразу догадался сделать Медвежатами и Медведями. Насчет Лося посомневался: директор школы Николай Иванович Белов не очень-то походил на лесного исполина, — маленького ро-

ста, худощавый, ходит короткими быстрыми шажками. Но потом Мишка решил оставить Лося, потому что лось — гордый и сильный, а дело, на которое Николай Иванович поднял ребят, тоже стало гордостью и силой школы.

Дальше Мишка сочинил так:

Медведица выла, сердясь не на шутку:
«Ой, что Лось придумал! Ой, что Лось решил!
Заставил работать мою он малютку
И бедных детей развлечений лишил!»

Мишке захотелось, чтобы Медведица говорила еще противнее, но он не успел. На крыльцо выскочил Валерка, и ребята зашагали к школе.

В низине поблескивала сквозь кусты Сязь. Небольшая река, а вон как потрудилась, какую размыла просторную долину. Поверху, мимо школы, мимо деревни, широким полукругом пролегло шоссе, к нему сбегают деревенские улицы, и всюду по черте горизонта — густые леса.

Валерка и Мишка прибавили шагу. Из домов, из-за поворотов улиц, отовсюду спешили к школе ребята.

Маленький школьный трактор «ХТЗ-7» послушно стоял на том самом месте, где его вчера оставили. Мишка открыл инструментальный сарай, а Валерка отправился на ферму. Ему, председателю совета бригадиров Валерию Боброву, надо было проверить:

Вычищено ли у Резвого-коня и Резвого-жеребенка.

Все ли куры на месте.

Здоровы ли гусь и гусыня.

Накормлена ли свинья.

Не придавила ли малышей беспокойная молодая крольчиха.

Закрыты ли соломенными щитами парниковые рамы.

Вот уже полтора года, в будни и в выходные дни, в большой праздник и в какой-нибудь серенький понедельник, утром и вечером Валерий Бобров обходит школьное хозяйство. И не было случая, чтобы председатель совета бригадиров пропустил свой обход.

У трактора следовало подкачать шины, а для этого запустить мотор. Мотор же не запускался, потому что бензина оставалось на самом донышке. Валерка взял ведро и пошел за бензином, а Мишка сейчас же уткнулся в тетрадку. Ему вспомнился один случай.

Другая Медведица тоже стонала:
«Мой сын был в кино, — он не хуже других, —
Его из кино та бригада прогнала,
И Лось все подучивал этому их».

Медведица врала. Лосю незачем подучивать Медвежат.

Кто хозяин в школе? Три хозяина, как три богатыря: совет дружины, учком, совет бригадиров.

Если постановили — гнать двоечников из клуба, пока не исправят двойки, — так постановили сами. И выполнили.

Кто командует пионерами? Совет дружины. Трудно добиться его похвалы. Может быть, поэтому всем хочется, чтобы звено стало звеном спутником семилетки, а отряд вышел на первое место.

Кто назначает шоферов и трактористов? Кто отвечает за чистоту в школьном здании и руководит ремонтом? Учком. А в тот день, когда заседает учком, все бродят как потерянные: кому доверят трактор? Кто будет учиться водить машину? Да не какую-нибудь, а новенький грузовик «ГАЗ-63» — подарок шефов. Он и грязи не боится, у него оба моста ведущие.

Кто заведует школьной фермой и ведет дипломатические переговоры с совхозом, а потом руководит полевыми работами? Совет бригадиров.

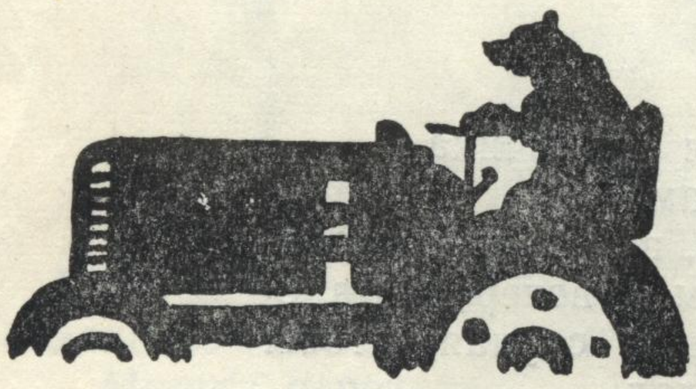
Разве Толя Трофименко, председатель учкома, или Аля Желнова, председатель совета дружины, или Валерий Бобров, председатель совета бригад, — маленькие люди в школе?

Эх, Медведица!

Валерка принес полведра бензина, вылил в бак. Мишка крутанул ручку. Мотор застрелял сначала редко, потом все чаще. Накачали шины, взобрались на сидение. Валерка взялся за рычаги. Трактор дернулся и пошел, разворачиваясь, по школьному двору.

Домой возвращались в сумерках. Двумя ровными рядами тянулись вдоль всей улицы березки, белели в полумраке. Их сажали весной все четыре пионерских отряда. Недолго осталось улице называться Романихой. Сельсовет переименует ее в «Пионерскую».

Мать не ругала, обошлось. Мишка сделал уроки, запихал в сумку учебники — и скорей за тетрадку.

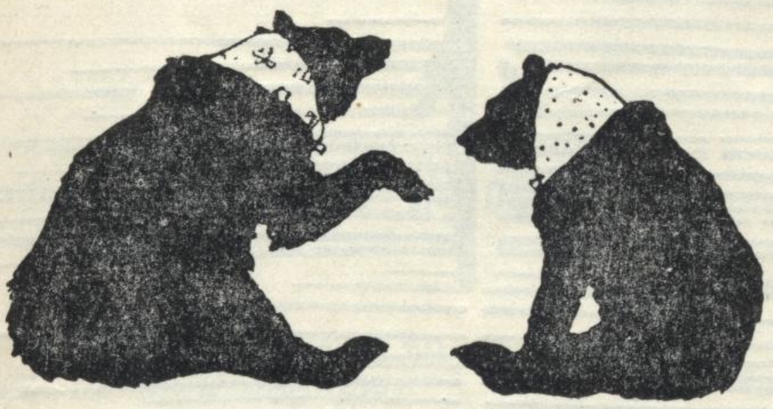


Тем временем этих мамаш Медвежата
Работали дружно, трудов не боясь,
И сильными стали они, как слонята,
В работе лицом не ударили в грязь.

«Трудов не боясь...» «Трудов не боясь»... Может, быть, написать, как работали? Хотя бы про телят, — сдано колхозу сорок пять штук, все выше средней упитанности. Но как-то не лезет эта упитанность в стихи. Семьсот пятьдесят граммов среднесуточного привеса, — не вставляется, длинно очень.

А ведь нравится ребятам работать! Если березки выкапывать — так чтобы за двадцать минут, да еще сообразить, какие лучше примутся, да подобрать ровные, да обогнать соседнее звено. Если сажать березки на деревенской улице, так и тут соревнование: чья сторона улицы украсится березками быстрее. Один яму выравнивает. Другой березку держит. Третий присыпает. Четвертый поливает. Пятый к колу привязывает. А шестой сидит на корточках, смотрит издали, ровно ли посажена. Потом перейдет на другое место, оттуда поглядит, да при этом скажет: «На дело с одной стороны никак нельзя смотреть, а надо со всех сторон». Только и это в стихи что-то не лезет.

Решил оставить так. Еще немного помучился над нравоучением.



А я посоветую всем Медвежатам:
Ищите во взрослых Медведей таких.
Пускай не мешают трудиться ребятам
И пусть не дрожат за малюток своих.

Перечитал, поставил запятые и подписался: Михаил Афонин.

— Мам! — сказал Мишка. — Послушай, я стих написал. Для вечера.

Мать недоверчиво покачала головой.

— И что вы там в школе не выдумаете! Ну, читай.

Перестала шить, слушала. Мишка прочел.

— Ничего, складно, — одобрила мать. — Сам придумал?

— Неужели нет! — возмутился Мишка. Мать перебила его:

— Только как это понимать: про кого написано?

Пошарила рукой по столу:

— Куда-то ножницы задевались?

И вышла из комнаты.

Ну да, не понимает! Все понимает!

* * *

Наш корреспондент побывал в Липногорской школе Тихвинского района Ленинградской области. Вы прочли его очерк.

Теперь прочитайте стихи, которые сочинили ребята Липногорской школы. Вечер стихов, к которому готовился Миша Афонин, состоялся. И Миша читал свою басню, которая всем понравилась. Открыл вечер тот, кто его придумал — Валерий Савин. Открыл стихами, для этого случая сочиненными. Выступило тридцать человек, другим не хватило времени. После чтения ребята выступили с критикой, спорили о том, что такое хорошие стихи.

На парад идут ребята,
В руках у каждого
флажок.
Пионеры, октябрята
И комсомолец — мой
дружок.

Витя Мельников,
6-а класс

Полет на "Варяге"

Взревела сирена, и грохот раздался,
И, ход набирая, взлетел звездолет.
В Космос лететь экипаж наш собрался,
Ведет нас по курсу надежный пилот.

Нас пятеро было друзей в звездолете:
Зиганшин — начальник, Федотов — радист...
Ребята, вы, может быть, их узнаете?
Крючковский, Поплавский и я, моторист.

Сидя за столиком в креслах глубоких,
Каждый мечтал о своем.
Родных и знакомых мы вспомнили многих,
Поплавский промолвил: «Давайте, споем!»

Но вдруг звездолет тормознул в атмосфере,
«Готовьтесь к посадке!» — сказал капитан.
Крючковский поближе подвинулся к двери,
Федотов все так же смотрел на экран.

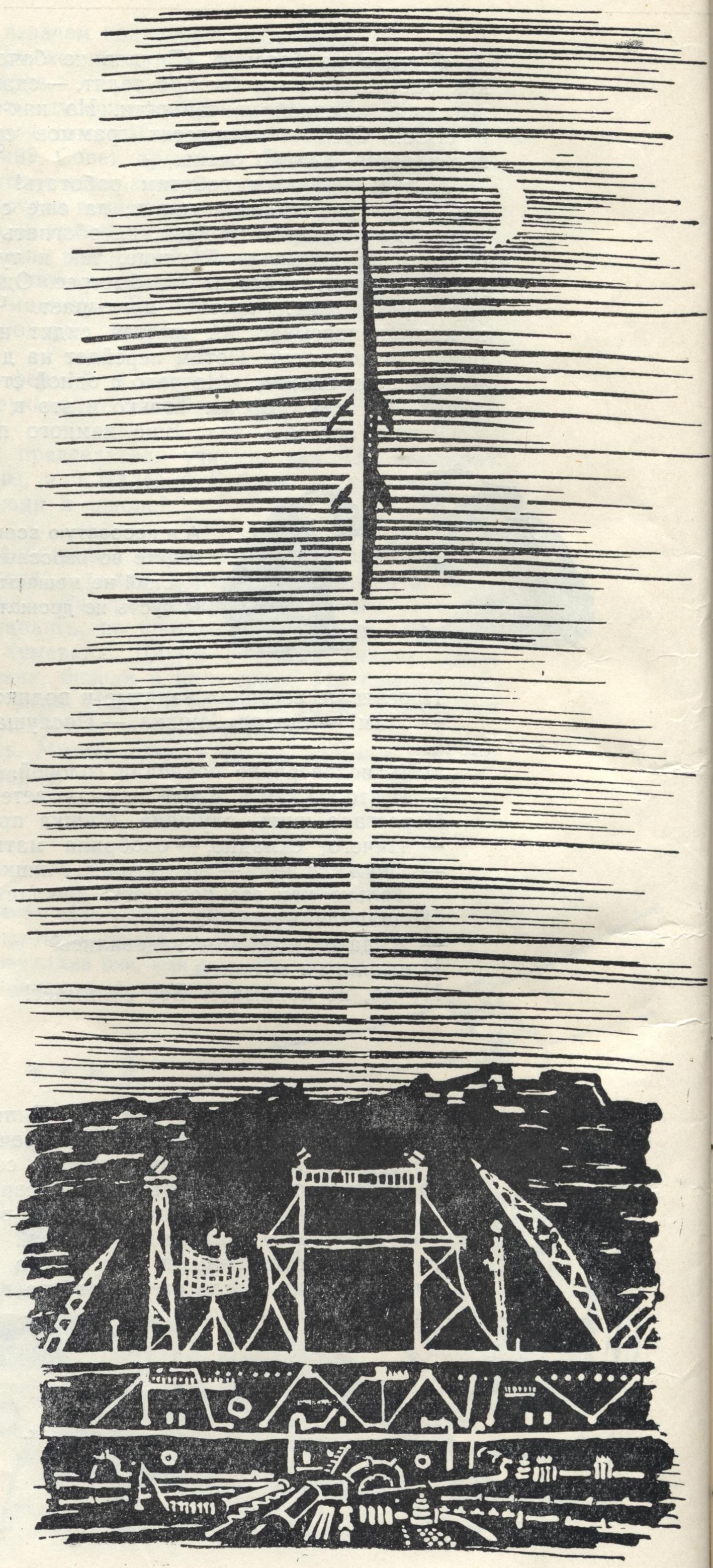
Несколько раз мы Луну обогнули.
Она на экране неслась мимо нас.
К площадке большой звездолет повернули
И на нее прилунились как раз.

Хоть мы на Луне не видали животных,
Растений набрать не могли мы с собой,
Но много богатств мы открыли природных,
И время пришло возвращаться домой.

И снова турбины призывно запели,
Стремительно ринулся вверх звездолет.
Воздуха струи за бортом шипели,
Кончался наш долгий и трудный полет.

Земля перед нами росла и росла,
И быстро мы к ней приближались.
Родная страна, ты нам с детства мила:
С просторов твоих мы в полет отправлялись.

Миша Афонин
Валерий Бобров
Валерий Савин
7 класс



ОХОТНИК

Все здесь знают: он стрелок,
Пять волков убил,
И медведя наповал
Пулей он сразил.

А сегодня на заре
Вышел в лес опять
По болоту побродить,
Уток пострелять.

Коля Бойцев,
6-а класс

Весна

Весна пришла ко мне во двор,
И обмок весь коридор.
С крыш закапала вода,
Но это тоже не беда.
А через неделю
Все мы поглядели —
В огороде нашем
Не осталось пашен.
Через весь огород
Речка быстрая течет!

Витя Мельников,
6-а класс

Афины. 1896 год

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТОЛЕТИЙ

В полдень 6 апреля 1896 года 10 000 зрителей, заполнивших Афинский стадион, стали свидетелями возрождения Олимпийских игр.

Четырнадцать веков прошло с тех пор, как закончилась последняя из 294 Олимпиад древности. И вот в конце XIX века замечательные традиции прошлого были восстановлены.

Однако первая Олимпиада Нового времени не совсем походила на своих древнегреческих предшественниц. Хотя бы потому, что она была первой международной Олимпиадой: в ней участвовали 13 стран.

В двух классических видах спорта — метании диска и марафонском беге — первенство завоевали американский студент Гаррет и греческий пастух Спиридон Луис.

Чемпион в метании диска — Гаррет победил благодаря счастливой случайности. На стадионе в Афинах диск был значительно легче того, с которым дискобол тренировался на родине. Роберт Гаррет свободно послал снаряд на 29 *м* 15 *см*.

Марафонец Спиридон Луис не был спортсменом, зато он был настоящим патриотом. Луис считал, что марафон должен выиграть только грек. Ведь именно грек две с половиной тысячи лет тому назад положил начало этому соревнованию, пробежав 42 километра от Марафона до Афин, чтоб сообщить о победе афинского войска над персами!

Длиннобородый, в грубых пастушеских башмаках, вышел Спиридон на дистанцию. Вдоль всего пути, приветствуя бегунов, стояли местные жители. Они подбадривали спортсменов, предлагали им воду, вино, еду. Многие марафонцы присаживались к накрытым у дороги столам, даже ложились поспать на часок-другой...

Спиридон не останавливался ни разу. Он прибежал на стадион один, оставив далеко позади своих соперников. Имя его стало известно всему миру. Портрет и биография были напечатаны во всех газетах. А Спиридон на другой день покинул Афины и вернулся в горы пасти своих овец. С тех пор никто больше не слыхал о нем.

ЭСТАФЕТА НАЧИНАЕТСЯ В ОЛИМПИИ

В день открытия Олимпийских игр первыми на стадион всегда выходят греческие спортсмены, а олимпийский огонь каждый раз загорается от факела, принесенного эстафетой с юга Греции, из Олимпии.

Делается это в знак уважения к родине Олимпийских игр. Спортивные игры древней Греции были праздниками молодости, красоты, силы, здоровья и торжества мира. Недаром в дни Олимпиад по всей стране объявлялось священное перемирие.

С тех пор прошло много столетий. Время и войны разрушили Олимпию. Долго трудились археологи, прежде чем им удалось восстановить историю древнего города спорта.

КЛЯТВА АТЛЕТОВ

Перед тем как выйти на Олимпийскую арену, атлеты древности присягали в том, что будут строго соблюдать все правила состязаний. Клятва произносилась перед статуей Зевса. Ее изваяли специально для устрашения атлетов. В каждой руке Зевс держал молнию. На постаменте статуи были надписи: «Не деньгами, но быстротой ног и силой приобретается Олимпийская победа», «Наука всем грекам, что деньги никому не дают победу на Олимпийских играх».

Эти надписи были сделаны после того, как один фессалиец подкупил троих противников. Судьи узнали об этом и взяли с него большой штраф.

Древние эллины сурово наказывали за трусость. Рассказывают, что один атлет, испугавшись трудного поединка, убежал из Олимпии. Его имя было предано проклятию.

Напутствуя атлетов, судьи говорили: «Если вы достойно подготовились к Олимпийским играм, если над вами не тяготеет низкий поступок и нерадение— тогда отправляйтесь с веселым сердцем. Если же нет — то уходите».

СТУПНЯ ГЕРАКЛА

На стадионе Олимпии не было ни футбольного поля, ни трибун. Зрители располагались прямо на земле по склону холма Кронис. Перед ними вытянутым четырехугольником лежала арена с прямой, как стрела, беговой дорожкой длиной в одну стадию, что составляло примерно 192 метра.

Откуда появилась эта мера длины? По преданию, беговую дорожку в Олимпии отмерял легендарный герой Греции — могучий Геракл. Он прошел по арене расстояние, равное длине своей ступни, повторенной шестьсот раз.

В других городах Греции тоже были стадионы, и беговые дорожки на них отмерялись тем же способом. Замеры всегда делал верховный жрец. Понятно, что в разных городах дорожки были разные. А самая длинная — в Олимпии. Ведь ступня у Геракла была гораздо больше, чем у обыкновенных людей...

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Древние эллины очень любили гонки на колесницах и скачки на неоседланных лошадях. Кто же в этих состязаниях получал венок победителя? Кого прославляли певцы и поэты? Колесничего? Всадника?

Как бы не так! Зрители даже не знали имен этих славных людей. Почести доставались владельцу упряжки или хозяину лошади, а затем и четвероногому победителю.

Однажды произошел такой случай. Лошадь Аура в самом начале скачки сбросила наездника, но, подгоняемая звуками труб, продолжала скакать и пришла к финишу первой. Победу присудили ее владельцу, богатому коринфцу, а лошади поставили памятник с надписью, прославляющей быстроту ее ног.

ВЕЖЛИВОСТЬ

Это было очень давно — две тысячи лет тому назад, а может быть, еще раньше. На Олимпийские игры издалека пришел старик. Он тщетно искал свободного местечка. Каждый клочок земли на склонах холма был занят.

Одни встречали появление старика шутливыми замечаниями, другие сердито кричали, чтоб он не загораживал арену, а некоторые смущенно отворачивались, словно не замечая его.

Но вот старик подошел к спартанцам, и все они почтительно встали, уступая ему место. И старик сказал: «Все греки знают правила приличия, но выполняют их только спартанцы».

А. Светов.

На старинных греческих вазах часто можно видеть изображения спортсменов: бегунов с оружием и без оружия, метателей диска, судей.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Н. Гессе и З. Задунайская

Рисунки Н. Лямина

Дима Порошин поднял голову и прислушался. Кругом тихо. Почти тихо. В дальнем углу кто-то посапывает, слышно сонное дыхание. За печкой трещит сверчок — гордость спальни. В других спальнях сверчки не водились.

Дима выполз из постели, передвинул пониже подушку, прикрыл ее одеялом — будто на кровати спят. Потом оделся и, ступая на цыпочках, стал пробираться к двери. Он уже взялся за ручку, как вдруг позади закричали:

— Осторожней! Хвост обломаешь!

Дима застыл. Но крик не повторился. Теперь Дима слышал только стук собственного сердца. Ага, понятно! Это Вася во сне ловит какую-нибудь ящерицу. Нет покоя юному натуралисту.

Знакомые деревья на участке совсем чужие. Строгие, прямые, нарисованные черным на зеленоватом небе.

Дима искоса глянул на домик, где жили воспитатели. Одно окно открыто — окно Дмитрия Ивановича, но света нет. Значит, и он спит. Сегодня безопасно — Алексей Петрович еще утром в город уехал. Только бы Кутька лая не поднял!

Дима прокрался мимо пустой линейки со спущенным, обмотанным вокруг мачты флагом, мимо столовой под дощатым навесом. Перелез через забор. Ну все, не поймали! Удалось!

Вправо под большими елями неясно белел полузасыпанный дот. Дима засунул руку в заросшую травой амбразуру и вытянул за кончик удочку. Он спрятал ее туда еще днем, в тихий час.

Удочку отец подарил Диме на Новый год. И тогда же они решили, что летом поедут вдвоем рыбачить. И непременно будет ночная рыбалка, с костром, с ухой, закипающей на рассвете... Но вместо этого папа с мамой уехали в дом отдыха, а Дима — в лагерь. Удочку он взял с собой. На весь лагерь у него одного была удочка, и все ребята завидовали. А чего завидовать? Две недели удочка простояла в углу спальни. Дима трогал ее лакированный, синий с красным, поплавок, наматывал на палец прозрачную леску, а ночная рыбалка светила костром где-то впереди...

По лесной, не круто изгибавшейся дороге Дима пошел широким, свободным шагом, как человек, который знает, куда и зачем идет.

Когда Дима уезжал в лагерь, на заборах и на щитах расклеивали афиши: «Молодежное гуляние. Проводы белых ночей». Так что теперь считалось, что белые ночи кончились. И Дима бы в это верил, если б спал, как ему и полагалось, со всеми ребятами. Но он сейчас шел по лесу, а вокруг стояла пускай не совсем белая, а все-таки белая ночь. Сломанная бурей сосна завалилась в сторону от дороги. Словно откинутая рука показывала,

куда надо свернуть. Про руку придумал не сам Дима, это Вася так сказал, когда они подружились, и Вася впервые повел его этим путем.

Дима на минутку остановился. На дороге-то светло, а там, в глубине, кажется, и просвета нет. Настоящие дебри. Но надо! Ничего не поделаешь. Дима пригнул голову и нырнул в чащу, будто в холодную воду.

Лес обступил его. В вышине о чем-то неясно бормотали сосны. Дима все ускорял и ускорял шаги, почти бежал, спотыкаясь о корни, скользя по хвое.

Удочка то и дело цеплялась за ветки. Дима снял ее с плеча и понес в руке. Сосновый бор кончился. Пошло мелколесье с березками да осинками. Осинки дрожали, будто от холода. Дима подернул плечами — и вправду свежо.

Вот и полянка с огромным замшелым валуном. Теперь уже близко. Эта полянка Диме знакома. У валуна Вася рассказал ему про ондатру. Дима помнил каждое словечко. Ондатра — заморский зверь, ее привезли из Америки. Совсем недавно привезли. Вася сказал — лет тридцать тому назад. Дима удивился: ничего себе недавно! Но Вася объяснил, что вот, к примеру, корова живет на нашей земле тысячи лет, собака — и не сосчитать. Так что тридцать лет это совсем недавно.

Индейцы называют ондатру младшей сестрой бобра. Потому что она похожа на него, только ростом поменьше. И хатки строит с выходом под воду, как бобры. Мех у нее густой и пушистый. Красивый мех. И подумать только — одна такая ондатра живет на той самой речке, в которой купаются ребята. Ребята купаются на пляже, недалеко от лагеря, а ондатра выбрала себе местечко в лесной глуши, у тихой излучины, под глинистым бережком. Вася ведет за ней юннатские наблюдения. У ондатры есть дети, маленькие ондатрята или ондатренки, как их там... Словом, крысята, — ведь ондатра грызун и ее иначе еще называют мускусной крысой.

— А ребята знают про ондатру? — поинтересовался Дима.

— Ребятам только покажи... Начнут ходить по двадцать человек, и все пропало.

— Так я же никому...

— Пионерское? — спрашивает Вася.

— Даже будущее комсомольское! — твердо отвечает Дима.

Видно, Васе и самому хотелось поделиться тайной. И он повел Диму на мысок. Они долго стояли над рекой. Диме стало скучно, заговорить он не решился. Потом, вернувшись к валуну, Вася спросил:

— Здорово, а? Видел?

Дима покачал головой.

— Не видел! — ужаснулся Вася. — А погрызы свежие! А выеденные ракушки под берегом?

Во второй и в третий раз ходили они с Васей на мысок, а Дима так и не увидел ондатру. Но эта излучина стала для него какой-то особенной. И не только из-за Васи с его мускусной крысой. Диме почудилось — это именно то место, о котором они говорили с папой, когда вдвоем мечтали о ночной рыбалке.

Вот почему сейчас он шел один по лесу, сжимая удочку, стараясь пробираться потише. У Васи есть тайна — ондатра, теперь и у Димы будет своя тайна — рыбалка! Только бы в лагере не спохватились!

Еще несколько шагов, и Дима оказался у невысокого обрывчика над темной водой. Здесь!

Прежде всего — костер! Костер это уже половина ночной рыбалки, может, даже больше. Дима подтащил поближе к обрывчику сухую валежину, набросал сверху сучьев. Костер вспыхнул разом, от первой спички. Недаром за все лето не выпало ни одного дождя. Дима наклонился и потянул носом дымок. Горьковатый! Как раз такой, каким должен быть дым на ночной рыбалке.

Отец говорил — у доброго рыболова приманка загодя готова. Дима вынул из кармана жестяную коробочку из-под зубного порошка. Там шуршали полуобломанными крыльями мухи. Земля так пересохла, что дождевых червей и в помине не было. Но по ночам на мелкую рыбешку берется налим. А мелкую как раз на муху и поймаешь. Так и выйдет — сперва какая-нибудь мелочь, а потом ленивый скользкий налим с белесым брюхом.

Дима размотал леску, наживил на крючок сразу три мухи, сел, спустив ноги с обрывчика, и закинул приманку в воду.

Костра Дима не видел: он потрескивал у него за спиной, то разгораясь ярче, то притухая. Тень куста и тень самого Димы шевелились на траве, делаясь то короче, то длиннее. А за неярким кругом костра совсем темно. Едва костер притухал, темнота подползала совсем близко. Видно, недаром провожали белые ночи, они и вправду кончились, остались только белые вечера до полуночи.

Пока Дима шел, пока разжигал костер, вокруг была тишина. А теперь, когда сам он сидел тихонько, ночной мир наполнился смутными шорохами. Кто-то неподалеку пискнул, протопал быстрыми лапами.

«Это ничего, это, наверное, еж, — успокаивал себя Дима. — Сейчас начнется клев»,

Дима все знает про рыбу. Знает, что есть верховая и донная. Донная — ерш, пескарь, линь. Только ерш, например, клюет на червя, а линя и на хлеб можно взять. Но сейчас Диме все равно — верховая или донная, лишь бы клюнула. Хоть маленькая, хоть одна! В лагерь надо вернуться до подъема. Если не будет рыбы, значит, тогда все?..

Ночная рыбалка — это дело настоящего мужчины. И вот он, как настоящий мужчина, сидит ночью у костра. А радости нет. Может, если бы с папой, все было бы иначе...

Дима старается думать о рыбе, но рыба не клюет. И он слушает, слушает.... Откуда-то с реки донесся протяжный стонущий звук. Дима вздрогнул. Уставился на поплавок, только бы не глядеть по сторонам. От воды повеяло сырым холодом. Рыба не клевала. Опять что-то застонало, потом зашуршало, зачмокало. Дима знал — на ранней зорьке в начале лета рыба пасется — жрет молодые нежные побеги камыша. Папа говорил, что даже слышно, как рыбы чавкают. Будто поросята. Но сейчас лето кончается, да и камыша здесь нет... Что же это?

«Ну и пусть страшно, — твердил себе Дима, не отводя глаз от поплавка. — На самом же деле ничего страшного нет. На то и ночная рыбалка».

Но внутри у него все застыло и напряглось в ожидании ужасного — того, что придет неизвестно откуда.

А рыба так и не клевала. Поплавок не шевелился. Глаза у Димы устали, он перевел взгляд повыше. И похолодел: на том берегу между темными елями путалось и качалось что-то белое, полупрозрачное. Оно переползало реку, надвигалось на Диму.

Дима выдернул удочку, большим суком расшвырял потухающий костер и побежал. Побежал, словно маленький мальчик. Через миг сообразил — это от реки ползет на берег ночной туман. Было стыдно, но остановиться он не мог.

...День начался, как всегда: зарядка, умывание, линейка. И с самого утра жара, с бледным тусклым небом. И, как всегда, — завтрак в столовой под навесом. Сначала шумели, потом примолкли — занялись рисовой кашей. Дима глянул через стол. Ну да, так и есть. Толик высунул язык и вытирает об него ложку с налипшей кашей. Делает он это аккуратно — сперва протаскивает ложку внутренней стороной, потом наружной. И называется это у него: посудомойка-полуфабрикат.

Все так привычно, будто сегодняшняя ночь была не сегодня, а когда-то давно, может,

прошлым летом. А может, ее и вообще никогда не бывало.

Вдруг с конца стола, где сидели девочки, послышался звонкий Танин голос:

— Ой, девочки, что это над лесом? Вон, справа. — И показала рукой налево.

Вдали над лесом неподвижно стояло серое круглое облако. Снизу темное, кверху — светлее. Если присмотреться, облако оставалось неподвижным, но внутри его, казалось, таилась какая-то злая жизнь. Оно будто дышало.

— Пожар, ребята! — закричал Вася. — Лес горит!

— Внимание! — раздался голос Дмитрия Ивановича.

Ребята и не заметили, как он подошел к навесу.

— Внимание! — повторил он. — В лесу пожар...

— Подумаешь, новость сообщает, — шепотом сказал Толик. — Уже цельный час известно.

Никто не засмеялся. Все слушали Дмитрия Ивановича.

— ...Звонили из лесничества. Говорят, колхозники на уборке заняты, говорят, может, силами ребят обойдемся? Я сказал, обойдемся. Идут первый и второй отряды.

От стола малышей понесся громкий вопль. Дмитрию Ивановичу пришлось повысить голос.

— Чай отставить, кашу доесть!

Но ребятам было уже не до каши.

Вожатая Ира распахнула двери сарайчика. Ребята мигом расхватали лопаты и сапки. Быстро строились, не дожидаясь команды.

— Ведра! Ведра не забудьте! — кричала в дверях кухни Мария Андреевна — повариха лагеря, вышвыривая одно за другим ведра прямо с картофельными очистками.

«А топор?» — вспомнил Дима. Он обежал кухню. Там всегда старшие мальчики кололи дрова. Топор и сейчас торчал в суковатом пне. Дима уперся в пень и с усилием выдернул топор.

Колонна уже двинулась, отставшие пристраивались к ней с ходу, не сразу попадая в ногу.

Дима шагал рядом с Васей.

— Интересно! Я еще никогда не видел, как лес горит, — сказал Дима.

Вася угрюмо отвернулся.

...Продирались сквозь заросли, перепрыгивали через валежник, нагибались под низкими ветками. Скоро от едкой гари стало драть в горле, защипало глаза.

Наконец выбрались на полянку. Кто-то из девочек негромко ахнул. Впереди, за деревьями, полз дым, то сворачиваясь в клубы, то расстилаясь пеленой. А за дымом металось бледное пламя. Перебегало по земле, карабкалось на стволы и вдруг вспыхивало в вышине ярким костром. С треском обламывались раскаленные, будто прозрачные, сучья.

Вдруг кто-то вырвался из ряда и побежал вперед, к дыму и огню.

— Стой, Антонов! — крикнул Дмитрий Иванович и бросился вслед.

«Вася! — понял Дима. — Зачем он?..»

И, уже почти догадавшись, глянул вбок. Конечно, вон валун. Что же это? Значит...

Навстречу Васе откуда-то прямо из клубов дыма появился человек. Растопырив руки, он перехватил Васю и гулким, будто с ленцой голосом сказал:

— Не торопись, паря. Это тебе не из пионерского костра картошки таскать.

Подоспел Дмитрий Иванович.

— Вы и есть командующий над этой командой? — спросил его человек. — Давайте познакомимся по-быстрому. Я тут лесник. Эк его разобрало! Ну, так вот. Что на мысу полыхает, того уж не спасти. А большой лес отстоим.

Начали с середины поляны, в обе стороны одновременно. Землю перекапывали поперек излучины.

— Глубоко не берите! — командовал лесник. — Искру глубиной не испугаешь. Шире копайте, шире. Ей прыти и не хватит.

Тяжелые лопаты путались в корешках трав, жестко упирались в невидимые под землей корни деревьев. Но ребята упрямо ударяли снова и снова, вырубали и переворачивали пласты дерна.

— Эх, топор бы! — вздохнул Толик.

— Есть, есть топор! — закричал Дима.

Подрубил корни под лопатой Толика, бросился к его соседу. А слева и справа уже звали:

— Мне! Мне!

— Сюда!

Редактор лагерной стенгазеты кричал в рифму:

— Эй, Порошин — корень хороший!

Дима поспевал всюду.

Дмитрий Иванович подошел к леснику.

— Товарищ лесник, у нас ведра без дела пропадают. Нельзя ли их все-таки использовать? Где перекапывать, где песок валом насыпать.

Лесник с уважением глянул на Дмитрия Ивановича.

— Вон горка песчаная, можно песок оттуда брать.

Девочки похватали ведра.

— Эй ты, шустрая, — закричал лесник, — тебе говорю: притащи из реки водички. Пить охота.

Таня победоносно тряхнула ведром. Если шустрая, так это она. Ведь недаром ее и выбрали председателем совета дружины!

Пожар делал свое дело. Валил обгоревшие стволы, полыхал по хвое. Иногда прикидывался смирным, потухающим, иногда показывал свой дикий нрав, сжирая сразу по нескольку деревьев.

Но и ребята делали свое дело. На пути пожара невидимой стеной вставала преграда. Пожар запирали вывороченной землей, валами из песка.

В лесу было чадно и жарко. Втройне жарко — от полуденного солнца, от пожара, от работы. Дима разогнулся. Захотелось пить. Ведро с речной водой стояло посреди поляны. Дима подбежал, напился тепловатой воды и огляделся.

Пожар заметно придвинулся ближе. Что-то гудело, шипело и посвистывало. Вот юркие, как ящерицы, язычки пламени спрыгнули с горящей ели. Побежали вбок по сухой листве, подобрались к кусту. Куст задымился. А перед кустом, ближе к Диме, стояли молодые березки. Такие, как в песнях поется, — белоствольные, кудрявые, веселые. Они красовались, не зная, что обречены. Ведь они росли по ту сторону перекопанной полосы, почти рядом с только что загоревшимся кустом. Вон у крайней уже листочки начинают сворачиваться! У Димы перехватило горло от жалости и боли. От той боли, которую он прятал от самого себя.

— Не дам их, не дам! — сквозь зубы пробормотал Дима.

И бросился к кусту. Нестерпимым жаром опалило лицо. Зажмурясь, Дима размахнулся топором и ударил под корень. Раз, другой, третий. Куст трясся, разбрасывая искры, но не сдавался, цепко держался за землю всеми стволиками. Дима злился, кашлял от дыма, рубил и опять кашлял. Он даже не сразу заметил, что рядом, плечом к плечу, войной на куст пошел еще один боец. Вася подрубал куст кромкой лопаты.

А к ребятам уже бежала Ира, вожатая.

— Антонов! — закричала она. — Ты второй раз уже нарушаешь дисциплину! И ты здесь, Дмитрий? Сейчас же назад, за ров!

— Погоди маленько! — И большая лапища лесника отстранила Иру. — Правильно парнишки надумали. Дай-ка топор.

Лесник перехватил у Димы топор и тремя ударами доконал куст. Вася лопатой прибил горящие ветки, ногами затоптал искры.

— Сюда ров загинать нужно, — распоряжался лесник. — Здесь и к реке ближе и леса еще кусок от огня обережем. Березку запалить, что красну девицу сгубить. Ласковое деревцо!

А Вася уже копал. Дима с топором наготове следил за лопатой. Покажется корневище — перерубит. И опять глядит под Васину лопату.

Скоро подтянулись ребята с ближнего края. Ров стал загибаться, пошел по косогору и выполз, наконец, к реке. Ребята побросали лопаты, смеялись, мыли грязные руки, потные лица.

К Дмитрию Ивановичу подошел лесник.

— Спасибо вам. Потрудились. Мысок, конечно, весь выгорит. А уж дальше не пойдет.

Ребята стали собираться вокруг них. Слушали разговор.

— Да, — сказал Дмитрий Иванович. — Сушь в это лето.

— Сушь пожару не причина. От суши лес не загорится. И грозы не было. А без поджога и дрова в печи не горят. Побаловался кто-нибудь цигаркой либо костерком. Полюбовался на природу. Голову бы этому любителю отвернуть!

Ребята глядели леснику прямо в рот. А Дима упорно разглядывал землю, не смея поднять голову. И вдруг увидел поплавок. Грязный, затоптанный поплавок — вчера еще совсем новенький, синий с красным. Дима быстро нагнулся и зажал поплавок в кулаке.

— У вас ребята хорошие, — говорил лесник. — Два паренька даже очень правильные. Хоть в помощники себе бери.

— Это какие же? — спросил Дмитрий Иванович.

— Вася и Дима, — подсказала Ира-вожатая.

И все посмотрели по сторонам, отыскивая глазами Васю и Диму.

Но их не было в кругу. Вася и не подходил сюда. А Дима минуту назад, боком, незаметно выскользнул из толпы ребят и побрел по узкой глинистой полоске под крутым бережком.

— Ну и что! — упрямо бормотал он. — Так я ж зато и тушил. И березки тоже я отстоял. — Но это не утешало его.

Глинистая полоска стала уже, берег еще круче. Нога Димы скользнула в воду. Он откачнулся, ища равновесия. И в двух шагах от себя увидел Васю. Вася стоял по щиколотку в воде, прижавшись к обрывчику, и одной рукой баюкал вторую, вздувшуюся пузырями. По лицу его текли слезы.

— Больно, Вася? Очень больно? — бросился к нему Дима.

Вася помотал головой и всхлипнул.

— Ондатру жалко. Задохнулась в дыму. А может, сгорела.

— Ты же говорил — она плавает хорошо. Она и уплыла.

— Так у нее ж детеныши. Разве ж она бросит... Я бы этого подлеца...

— Какого подлеца? — сдавленным голосом сказал Дима. — Может, он не подлец совсем. Может, он просто ночью на рыбалку пошел. Ну, костер зажег...

— А почему же он костер не погасил?

— Ну, мало ли... Торопился очень. Или испугался. Он костер гасил, да, видно, не совсем. А сам он не подлец.

— Испугался, испугался! — передразнил Вася. — Чего в лесу бояться?

— Вася! — неожиданно сам для себя сказал Дима. — Вася, а ведь это я ночью ходил на рыбалку.

— Ты? — закричал Вася. — Ты? Будущее комсомольское давал! А потом...

И ударил Диму прямо по лицу.

Дима, сжав кулаки, рванулся к Васе и сразу опустил руки.

— Я тебе, как другу... — упавшим голосом проговорил он,

— Не друг ты мне! — крикнул Вася и, обогнув Диму, по мелкой воде побежал прочь.

Дима постоял еще немного. Потом медленно потащился вслед за Васей, туда, где уже

строились веселые ребята, чтобы вернуться в лагерь.

...Рапорт на вечерней линейке принимал сам начальник лагеря Алексей Петрович. Он стоял на трибуне, возвышаясь над всеми, огромный, толстый, со спутанными кудрявыми волосами. Удивительный это был человек — он всегда шутил. Когда хвалил — шутил, и от его похвалы не делалось неловко, а становилось весело и легко. Когда бранил — тоже шутил, но уж тогда от его шутки лучше бы сквозь землю провалиться.

Сегодня на линейку пришли и те, кому вовсе не полагалось. Прибежала медсестра, выплыла из кухни повариха Марья Андреевна. Она даже халат сняла. В первый раз увидели ее ребята в пестром с разводами платье. Позади зрителей сидел, подняв белое ухо, лагерный щенок Кутька.

Старшие ребята стояли в строю, как на параде, не шелохнувшись. Зато младших никак было не угомонить. Они шептались, высовывались из строя, с восторгом поглядывали на толсто обмотанную бинтом руку Васи, на перевязанное колено Тани.

Когда Таня кончила рапорт, к трибуне сбоку подошел Дмитрий Иванович и тихонько показал Алексею Петровичу какую-то бумагу, скатанную трубкой. Тот кивнул, взял сверток. Потом Алексей Петрович заговорил. Заговорил как будто совсем не громко, но Кутька тотчас поднял второе ухо и наклонил голову набок. Толик утверждал, что с этаким голосом хорошо кораблем командовать: право руля, пошел бом-брамселя ставить, бери на абордаж...

— Идут такие разговоры, — сказал Алексей Петрович и прижмурился, — не пора ли первый и второй отряды переименовать в первую и вторую пожарные команды. А я говорю — боюсь! Еще войдут во вкус, чего доброго наш прощальный костер погасят! — И подождав, пока ребята отсмеются, продолжал совсем другим голосом: — Ну что ж, друзья, спасибо! Всему первому и второму отряду спасибо. И Дмитрию Ивановичу и Ире. — Алексей Петрович чуть помолчал. — Жаль, жаль, что меня с вами не было. Люблю, когда от лопаты ладоням жарко. Ну, да ладно. Рассказывают — Дима с Васей и за себя и за меня старались. Так что у нас сегодня два героя, — Вася Антонов и Дима Порошин. Ну, Антонов, фамилия у тебя такая, что к доске тебя первым вызывают, это, конечно не всегда приятно, но зато и почетную грамоту тебе первому вручаю. Подходи!

Барабаны забили дробь и, пока Вася шел от строя к трибуне, всё рокотали. Вася неловко левой рукой взял свернутую трубкой грамоту, а правой, забинтованной, отдал салют.

— Порошин! — вызвал Алексей Петрович.

Барабаны забили снова.

Дима вышел из строя, сделал несколько шагов к трибуне. И вдруг остановился, как-то нелепо взмахнул руками и побежал к воротам.

Барабаны растерянно смолкли. Еще несколько секунд все с недоумением следили, как мелькала Димина белая рубашка за решетчатым забором лагеря.

Таня мячиком подпрыгнула на месте и ринулась за Димой.

— Таня, отставить! — крикнул Алексей Петрович.

— Алексей Петрович! — бросился к нему Вася. — Надо его вернуть. Можно, я? Я один знаю...

— Хотелось бы и мне знать, что он такого натворил, — медленно сказал Алексей Петрович и внимательно посмотрел на Васю. — Ну ладно, беги, — решил он.

Вася прижал к животу забинтованную руку и побежал.

...На высокой платформе электрички было пусто.

«Неужели уехал?» — подумал Вася.

По путям неторопливо шел железнодорожник, тащил фонарь, моток проволоки, длинный гаечный ключ.

— Когда электричка ушла? — спросил Вася.

— Отправлена, мил человек, согласно расписания. В двадцать один пятьдесят шесть. — И, помахивая фонарем, железнодорожник зашагал дальше.

Часы на бревенчатом вокзальчике показывали три минуты одиннадцатого.

«Не мог он успеть! — решил Вася. — А бежал к станции».

Вася заглянул в небольшую комнату с двумя лавками и окошечком кассы. Комната именовалась гордо: билетный зал и зал отдыха пассажиров. Но сейчас никто билетов не покупал, и деревянный щиток был опущен. И отдыхающих пассажиров не было видно. Следующая электричка шла через пятнадцать минут.

Вася завернул за угол вокзала. У закрытого ларька союзпечати, прислонившись плечом к фанерной стенке, стоял Дима.

— Ди-им! — тихонько, как больного, позвал его Вася.

Дима вздрогнул, повернулся, посмотрел на Васю, будто не верил своим глазам. Лицо у него и вправду было, как у больного.

— Ты совсем уехать хочешь? — спросил Вася.

Дима молча кивнул.

— Так ведь дома никого нет.

— Ну и что. Я у соседки ночевать буду. У меня десять рублей есть.

— Ди-им, я думаю, уплыла она.

— А детеныши?

— Да увела с собой. Они уже не такие маленькие. Дима, а может, тебе не надо уезжать?

— А что ж мне, по-твоему?.. Почетную грамоту взять, чтоб мама на стенку повесила? И все подумают, что за храбрость. А я один буду знать, что испугался. Грамота за трусость! И лес сгорел, и ондатра от дыма задохнулась... Ты сам знаешь! Я ведь думал: ну, ладно, ну, струсил, но я ведь тушил. А тут — грамота. Алексей Петрович хвалит...

— Он уже догадывается, — сказал Вася.

— Ты ему сказал? — испугался Дима.

— Нет, я не говорил.

— Ну так я сам скажу. Скажу и все! Как решат, так и будет. Пойдем скорей! Заснет Алексей Петрович, а я до утра ждать не могу!

— Не заснет. Алексей Петрович не заснет. Он нас ждет, — сказал Вася.

Мальчики двинулись к лагерю. Вася искоса поглядывал на Диму. Трудно ему, очень трудно. Но зато у Васи опять есть друг.

Там, на станции, раздался стонущий гудок электрички. Поезд подкатил к платформе, постоял минуту и пошел, быстро набирая скорость, в город.

Но Дима и Вася даже не оглянулись.

Париж. 1900 год

ПЯТЬ ОЛИМПИЙСКИХ МЕСЯЦЕВ

Вторая Олимпиада совпала с открытием Всемирной выставки, организованной в Париже в честь начала нового века. Выставка привлекла к себе такое внимание, что Олимпиада прошла почти незамеченной. Спортсмены горько шутили: «Тень Эйфелевой башни легла на Олимпиаду». (Эйфелева башня — грандиозное сооружение, построенное в Париже к началу выставки.)

Игры проходили вяло, тянулись пять месяцев, состязания были плохо организованы. Например, американские спортсмены узнали, что они победители, только через два года, когда им вручили медали.

Первенство в марафонском беге на этот раз завоевал француз, помощник пекаря, Мишель Теато. Мишель отлично знал трассу марафона, потому что не раз бегал по ней, выполняя поручения своего хозяина.

На вторых Олимпийских играх впервые выступили женщины. Их было тогда только шесть.

Сент-Луис. 1904 год

ХИТРЫЙ МАРАФОНЕЦ

Из 496 участников Олимпиады 430 спортсменов — американцы! Неудивительно, что игры проходили в Соединенных Штатах.

В Сент-Луисе произошел скандальный случай: победитель в марафоне американец Лой пришел к финишу подозрительно бодрым. Впоследствии выяснилось, что больше половины пути Лой проехал в автомобиле.

Русские спортсмены в играх не участвовали. Царское правительство не дало средств на подготовку команды к Олимпиаде.

Афины. 1906 год

«КСЕНОС!»

Олимпиада 1906 года была своеобразным нарушением олимпийских правил. Ведь происходила она не через четыре года после предыдущей, а через два. Эти внеочередные игры были юбилейными — в честь десятилетия со дня проведения первой Олимпиады.

Перед началом соревнований по марафону всю Грецию охватило волнение: кто окажется впереди?.. В афинских газетах появились объявления о премиях, обещанных греку-победителю. Владелец ресторана гарантировал ему ежедневный обед в течение всей жизни, парикмахер обещал бесплатно стричь и брить его, а скульптор — изваять статую победителя.

И когда на стадионе первым показался марафонец из Канады Шеринг, все пятьдесят тысяч зрителей горестно закричали: «Ксенос!» («Иностранец!»)

Лондон. 1908 год

ОЛИМПИАДА ПРОТЕСТОВ

В программу Лондонской Олимпиады впервые был включен футбол — игра, родившаяся в Англии. Английские футболисты считались тогда непобедимыми.

Открытие игр было бурным. Перед началом парада ирландцы заявили, что не пойдут под английским флагом: они не признают прав Англии на свои земли! Протестовали финны, не желая идти под знаменем царской России, правительство которой угнетало их страну. Наконец, протестовали американцы, чьи знамена по невнимательности не были установлены на стадионе...

?кому что удивительно

Виктор Голявкин

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» — даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу! Никто не мог перепрыгнуть. А я перепрыгнул. Все удивлялись, кроме Таньки.

— Фи, — сказала она, — ну и что же? Вот уж не удивительно!

Я всё старался ее удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался. Я из рогатки попал в воробышка, научился ходить на руках, научился свистеть с одним пальцем во рту. Она все это видела. Но совсем не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Я что только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она все не удивлялась.

А однажды я даже не думал о том, чтоб ее удивить. Я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

СЕГОДНЯ ОПОЗДАТЬ НЕЛЬЗЯ

Кто Валю не знает? Всегда опаздывает на линейку. А тут вдруг до сигнала явилась.

Стоит одна, улыбается. Не шелохнется, руки по швам. Ждет звука горна.

Удивляются ребята.

Удивляется вожатый.

Только Валя не удивляется.

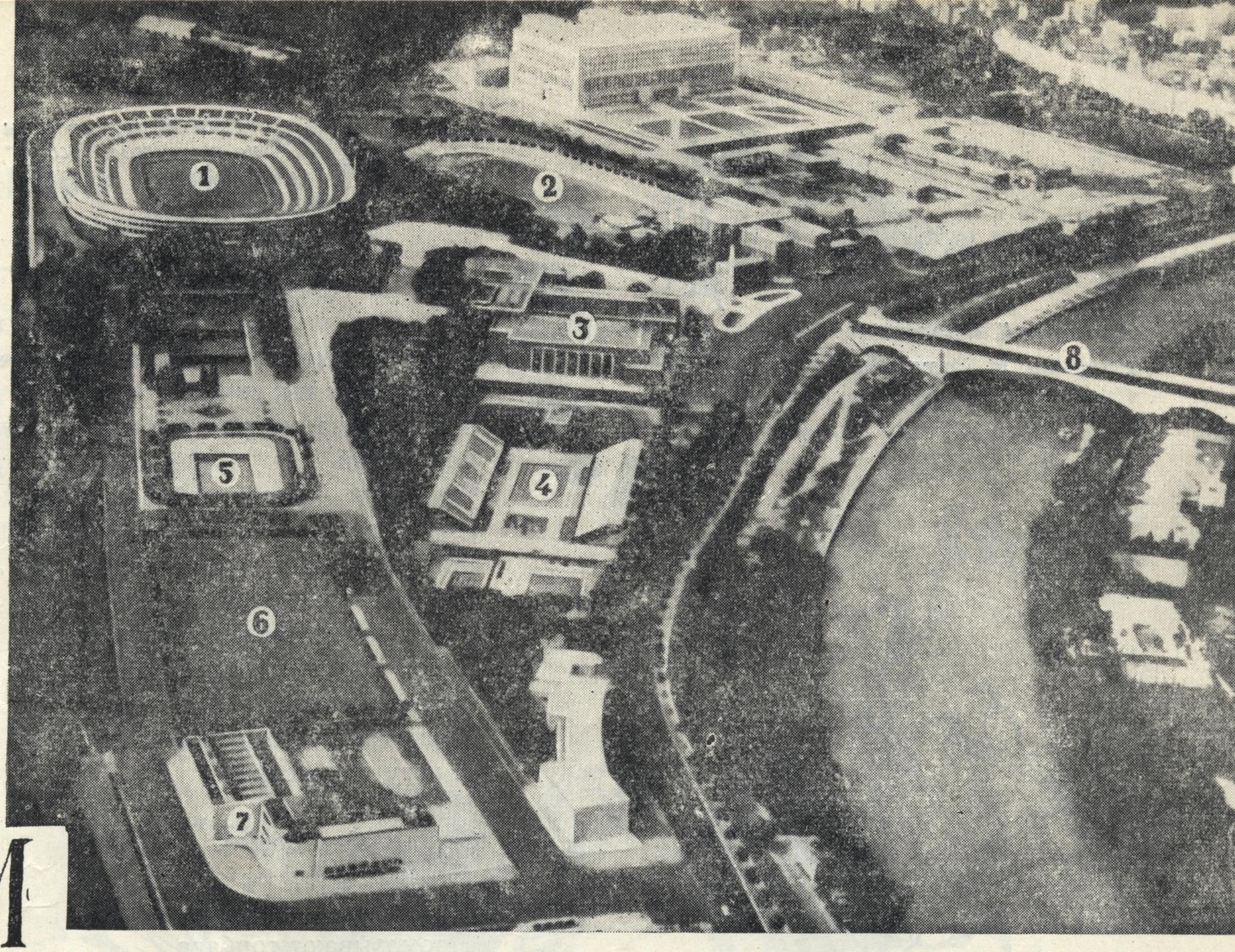
Сегодня ей опоздать нельзя.

Вчера она помогала на кухне.

Вычистила целый таз картошки.

Сегодня ей благодарность дадут!

Рисунки автора



РИМ

Олимпийский

Спортивный комплекс Рима Форо Италико занимает обширную площадь между Тибром и склонами гор Монте-Марио и Фарнезина. Он состоит из целого ряда сооружений.

Олимпийский стадион (1), открытый в 1953 году, вмещает 100 000 человек. Площадь стадиона — 90 000 квадратных метров. Над центральной его трибуной — 42 кабины для радиорепортеров, сделанные из стекла и легкого металла. Под ними — 3000 мест для журналистов. На беговой дорожке этого стадиона три года тому назад советский спортсмен Владимир Куц установил мировой рекорд в беге на 5000 метров.

На Олимпийском стадионе состоятся церемонии открытия и закрытия игр, соревнования легкоатлетов, финальный футбольный матч.

Поблизости расположен Мраморный стадион (2). Он назван так потому, что его трибуны и шестьдесят скульптур, возвышающиеся над ними, сделаны из мрамора. Этот стадион соединен с Олимпийским подземным проходом.

Рядом с Мраморным стадионом высится большое белое здание. В нем находится Национальный Итальянский Олимпийский Комитет, на средства которого построено большинство спортивных сооружений Рима.

Около крытого плавательного бассейна (3), украшенного цветными мраморными плитами, в 1959 году построен новый бассейн — открытый (4). Он включает несколько сооружений. Тут и большой бассейн для соревнований, и трибуны, рассчитанные на 16 000 тысяч зрителей, и бассейн для прыжков в воду, и еще один, маленький, где учатся плавать дети. Через стекла боковых стен большого бассейна, снабженные подводным освещением, можно следить за движениями пловцов под водой.

На Форо Италико несколько теннисных площадок, на которых ежегодно проводятся международные чемпионаты по теннису. Самая большая из них (5) имеет трибуны для зрителей и так же, как Мраморный стадион, украшена скульптурами. Рядом с этой теннисной площадкой — стадион для бега с препятствиями (6) и стадион Фарнезина (7) для соревнований по легкой атлетике.

* * *

Состязания намечено провести не только в Форо Италико, но и в другом спортивном комплексе, на левом берегу Тибра за новым мостом Фламинио (8). Здесь находится Малый Дворец спорта, похожий на огромную палатку. Трибуны Дворца вмещают 5 тысяч зрителей. В нем состоятся соревнования по боксу, игры в теннис и баскетбол, турниры фехтовальщиков.

Тут же расположен стадион Фламинио, а рядом с ним на площади в 50 000 квадратных метров раскинулась большая Олимпийская Деревня, где будут жить участники игр. Гости Олимпиады и многочисленные туристы разместятся в гостиницах, палаточных лагерях и в железнодорожных вагонах.

И. Константинова

Стихи премированы на конкурсе „Костра“

НА СЕВЕРЕ ЭТОМ

Анатолий Павлухин
Рисунки Е. Захарова

Май

Не стоит смотреть на градусник —
Кухлянку и так снимай!
Вернулся на север
Радостный
Труженик — месяц май.
Подтаяли льды точеные,
Ломаясь, звенят: «Дин-дин...»
Все шире разводья черные
Средь вздыбленных ветром льдин.
Ледок собирается лечь еще
На чернь полыньи. Да как
Крикливые гаги расплещутся —
И нету того ледка!
На скалах,
Открытый вовремя,
Птичий шумит базар.
Охотники терпкой ворванью
Промазывают торбаса,
Уходят на льды весенние,
Где, сбавив за зиму жир,
Расселись большими семьями
Воинственные моржи.
Пичуги о радостном дне поют
Бессменно на все голоса.
И солнышко рыжею нерпою
Купается в небесах.
С пернатыми новоселами
Приветствуют май везде.
...А сколько ему, веселому,
Еще предстояло дел!

СВЯЩЕННЫЕ ПЛЯСКИ

При виде его походки
Не сходят улыбки с лиц:
Копирует здорово Отке
Движенья зверей и птиц.
Заведует он конторой,
Повсюду имеет друзей.
А пляшет под бубен, который
Выдал ему музей.

старый следопыт

Очки завёл следопыт Демид,
Особое стало к нему почтение:
На старости лет стал дружить с детьми
И метит «пятерку» иметь по чтению.

Стокгольм. 1912 год

ПОЧЕМУ У ДЖИМА ТОРПА ОТОБРАЛИ МЕДАЛИ?

Американец Джим Торп был необычайно разносторонним спортсменом, одинаково сильным во всех видах легкой атлетики, шла ли речь о беге, прыжках в длину, высоту, с шестом или толкании ядра. Джим победил в двух самых трудных видах соревнования — пятиборье и десятиборье. Но вскоре после Олимпиады медали у Торпа были отобраны под тем предлогом, что он когда-то заработал немного денег, играя в бейсбол. (Профессионалы не имели права участвовать в Олимпийских играх.) Но это был только повод. Расисты из американского олимпийского комитета не могли примириться с тем, что мать Джима — индианка.

Антверпен. 1920 год

ВПЕРВЫЕ ПОД ОЛИМПИЙСКИМ ФЛАГОМ

1916 год не был олимпийским: в Европе бушевала первая мировая война. Только в 1920 году собрались спортсмены на очередные игры в Бельгию. Над антверпенским стадионом впервые в истории взвился олимпийский флаг с пятью переплетенными кольцами — символ дружбы спортсменов пяти материков. Впервые после возобновления игр их участники давали олимпийскую клятву.

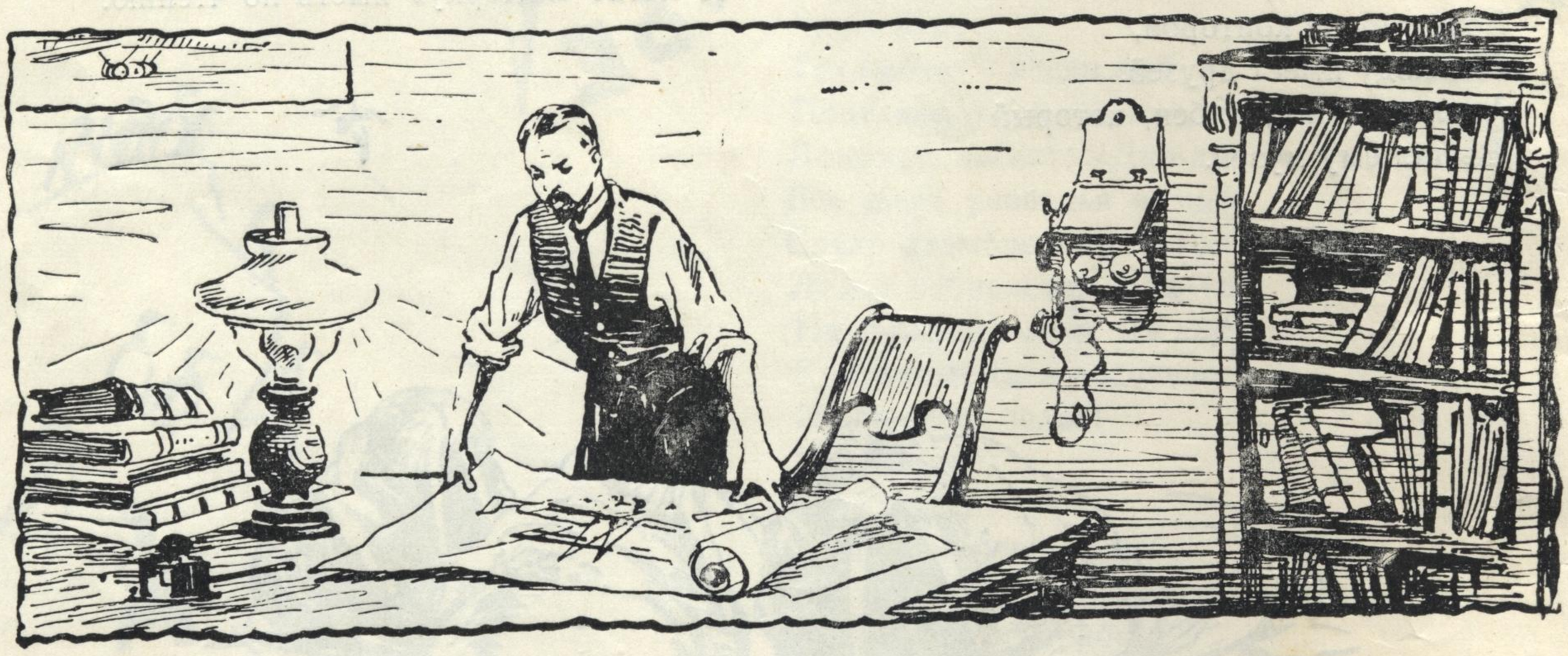
В VII Олимпиаде участвовало 29 стран. Но среди них не было молодой Советской республики. Организаторы Олимпиады бойкотировали государство рабочих и крестьян. Оказалось, что спорт и политика не так уж далеки друг от друга.

Героями Олимпиады стали скандинавские спортсмены. США вынуждены были уступить пальму первенства легкоатлетам маленькой Финляндии.

ТЫСЯЧА МЕТРОВ

Рисунки К. Савкевич

В июне 1910 года состоялся первый полет самолета русской конструкции. Его построил инженер Яков Модестович Гаккель — в будущем создатель тепловоза, академик, крупный русский ученый. О том, как создавался самолет, вспоминает дочь Якова Модестовича, профессор Ленинградского Института инженеров железнодорожного транспорта ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВНА ГАККЕЛЬ.



Всю зиму, вернувшись со службы, папа до глубокой ночи просиживал за письменным столом и что-то чертил, и считал, и писал.

Весной, когда выехали на дачу в Левашево, он нанял большой сарай и устроил в нем мастерскую. Все свободное от службы время — по вечерам и по воскресеньям — он пропадал там.

* * *

Папе помогает его друг — Михаил Васильевич Егоров. Он и спит здесь, в мастерской. В уголке стоит его кровать, стол с чертежами и книжная полка.

Что такое самолет? Какие-то странные штуки из бамбука, немножко похожие на этажерку, только значительно бóльших размеров. А под этажеркой лежит на спине папа. Мы видим только его ноги. Аккуратно зашнурованные ботинки торчат носками вверх, а голос звучит совсем глухо.

Разговор идет очень странный — какие-то элероны, шасси, фюзеляж. Михаил Васильевич спорит — никто, никогда фюзеляж ничем не обтягивал, а папа отвечает: «для всего был когда-нибудь первый раз» — и дальше что-то уж совсем непонятное о воздухе, который должен обтекать.

Но Михаил Васильевич, очевидно, понял, потому что он вдруг обрадовался и начал рассуждать с папой, из чего сделать обтяжку.

* * *

В сентябре вернулись в город. Самолет, видно, тоже переехал: папа сначала договаривался по телефону о ящиках и подводах, а потом стал говорить вместо: «Я пошел в мастерскую» — «Я пошел в ангар».

Прошла еще одна зима. И опять он чертил и считал, и разговаривал о двигателе и о винте. А когда солнце уже хорошо грело, он предложил маме и нам сделать маленькое путешествие.

Очень долго ехали в трамвае и на поезде, шли пешком и, наконец, увидели большое поле — «Аэродром».

Ангар оказался тоже сараем, только больше, чем на даче, и стружек в нем почти не было, а в середине стоял самолет — совсем готовый, с крыльями, как у птицы.

Вечером я долго не могла уснуть и позвала маму.

— Когда самолет полетит?

— Как только найдется летчик.

— А что такое летчик?

Мама объяснила, что летчик — это человек, который умеет управлять самолетом.

— А папа разве не умеет?

Мама сказала, что папа никогда этому не учился и на самолете не летал, и что в России этому учиться негде, а есть несколько летчиков, которые ездили во Францию и там учились летать в специальной школе. Теперь они летают на заграничных самолетах, а на папином не хотят — боятся.

Папа был очень грустный, и мама часто уезжала с ним на аэродром. Дома они много разговаривали по телефону и кого-то убеждали не бояться.

Папа и мама стали даже иногда о чем-то спорить; когда они заспорили при бабушке Соне, бабушка сказала: «Мало ли какие бывают причуды! Вот мой муж любил выращивать белые розы, а вам нравилось строить аэроплан. Это вы еще могли себе позволить, дроме состоятся полеты на высоту двести, четыреста и шестьсот метров.

На аэродроме было очень много нарядных людей, играла музыка, и летали самолеты.

Только папин самолет не летал.

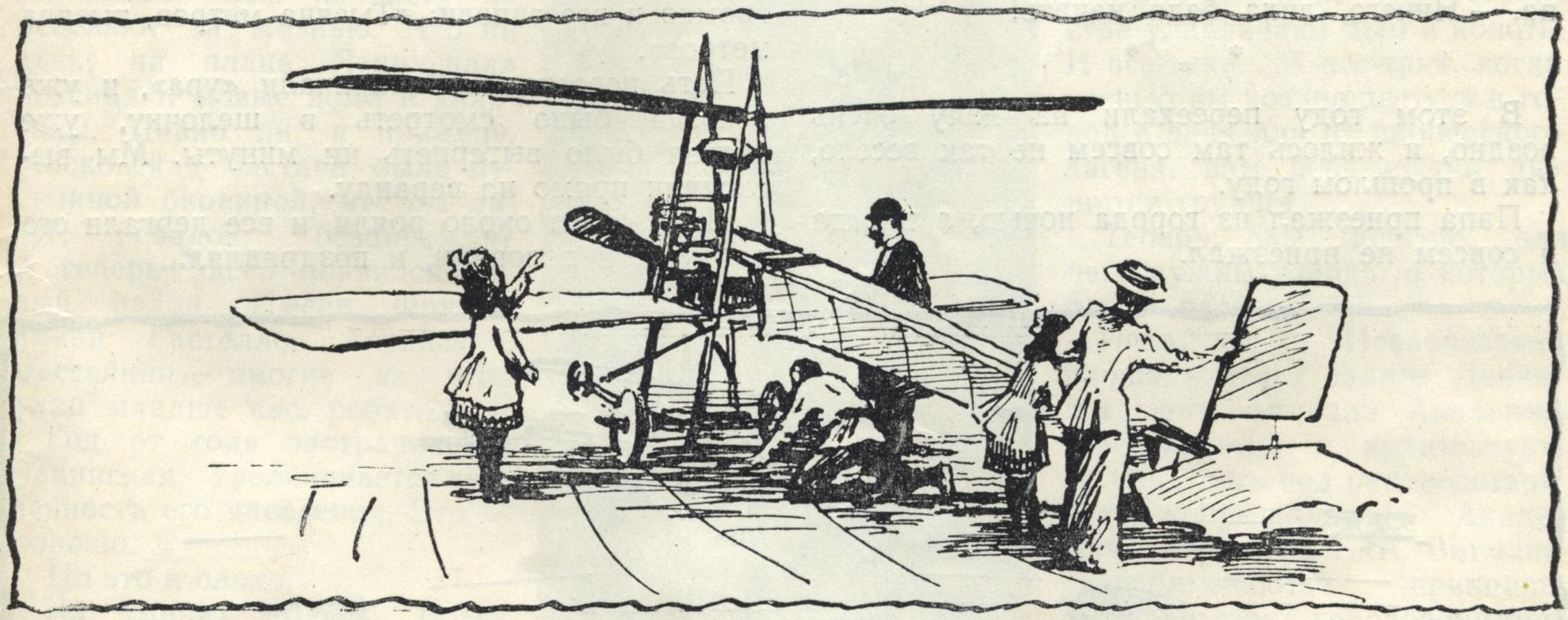
Его вывели из ангара, и он стоял на самом краю аэродрома. К нему подходили и смотрели на него, и смеялись, потому что он был не такой, как все.

Папа разговаривал с мамой. Сначала они говорили спокойно, а потом стали ссориться, а потом папа о чем-то спросил маму, и мама, должно быть, его простила. Она поцеловала папу в лоб, так же, как нас, когда мы ложимся спать.

Папа покрепче надвинул на голову шляпу и застегнул все пуговицы на пиджаке.

— Куда ты? — спросила сестра Маня.

— Не мешайте папе, девочки, пожелайте ему доброго пути.



но летать на самодельном аэроплане? Подумайте о своих бедных детях!»

Мы с сестрой очень удивились, мама стала совсем печальная, а папа задумался.

* * *

Однажды утром папа и мама опять взяли нас на аэродром.

От вокзала не пошли пешком, потому что очень торопились.

— Это что же, театр новый открылся, что ли? — спросил извозчик. — Которых седоков везу сегодня на поле.

Папа объяснил, что из-за границы прибыло несколько самолетов и сегодня на аэродроме состоятся полеты на высоту двести, четыреста и шестьсот метров.

Папа побежал к самолету, по дороге он оглянулся и покивал нам и маме.

Издали было видно, как он, добежав до самолета, стал разговаривать с какими-то людьми в шапках с наушниками. Все чужие отошли, и папа залез на сидение, а откуда-то взявшийся Михаил Васильевич начал вертеть винт на носу самолета.

Мама побледнела и сказала, что Михаил Васильевич заводит двигатель, и папа сейчас полетит.

— Но ведь он не умеет! — закричала я. — Он никогда не летал!

— Для всего был когда-нибудь первый раз, — ответила мама и очень крепко взяла нас за руки.

Вдруг Михаил Васильевич отскочил от самолета, и самолет поехал по полю.

Он проехал мимо того места, где все стояли, и мы увидели строгое и бледное папино лицо под сдвинутой на затылок шляпой. Все закричали «летит, летит!», куда-то побежали, махали платками, бросали вверх шапки. А папа улетел уже выше всех проводов и деревьев.

Только мама никуда не побежала и по-прежнему держала нас за руки. Подошел Михаил Васильевич с очень сердитым лицом и сказал: «А наш-то — видели? Как всегда: всё по-своему».

Через некоторое время самолет начал делать круги над аэродромом — ниже и ниже, и скоро он бежал по аэродрому, а люди бежали к нему.

Папа выскочил из самолета красный, без шляпы, две пуговицы от пиджака оторвались.

— Сколько? — спросила мама.

— Пока только четыреста, — ответил папа. — Ничего, лиха беда начать!

* * *

В этом году переехали на дачу очень поздно, и жилось там совсем не так весело, как в прошлом году.

Папа приезжал из города ночью, а иногда и совсем не приезжал.

Но мама вдруг заупрямилась и сказала, что девочки еще слишком маленькие.

А какие же мы маленькие! Маня читать умеет. Она сама прочитала под картинкой в «Огоньке»: «Первый русский аэроплан. Конструкция инженера Гаккеля».

Одно воскресенье началось совсем грустно.

Папа не приехал. И мама встала раньше обычного, надела свое самое красивое платье и уехала в город.

Бабушка Соня объяснила, что сегодня все на аэродроме, там большие полеты. Будут ставить рекорд высоты.

Взрослые любят говорить непонятные слова.

* * *

Ночью мы проснулись от шума. Слышались веселые голоса: и папин, и мамин, и еще много.

Кто-то играл на рояле. Сначала потихоньку и осторожно, потом вдруг заиграл громко и все запели: «Тысяча метров, тысяча метров».

Петь перестали и закричали «ура», и уже некогда было смотреть в щелочку, уже нельзя было вытерпеть ни минуты. Мы выскочили прямо на веранду.

Папа стоял около рояля, и все дергали его за руки, и целовали, и поздравляли.

Мама рассказывала, что самолет теперь летает каждый день; летчики уже не боятся и им нравится, что папиным самолетом легко управлять.

Мы спросили, нельзя ли нам тоже полетать. Папа согласился:

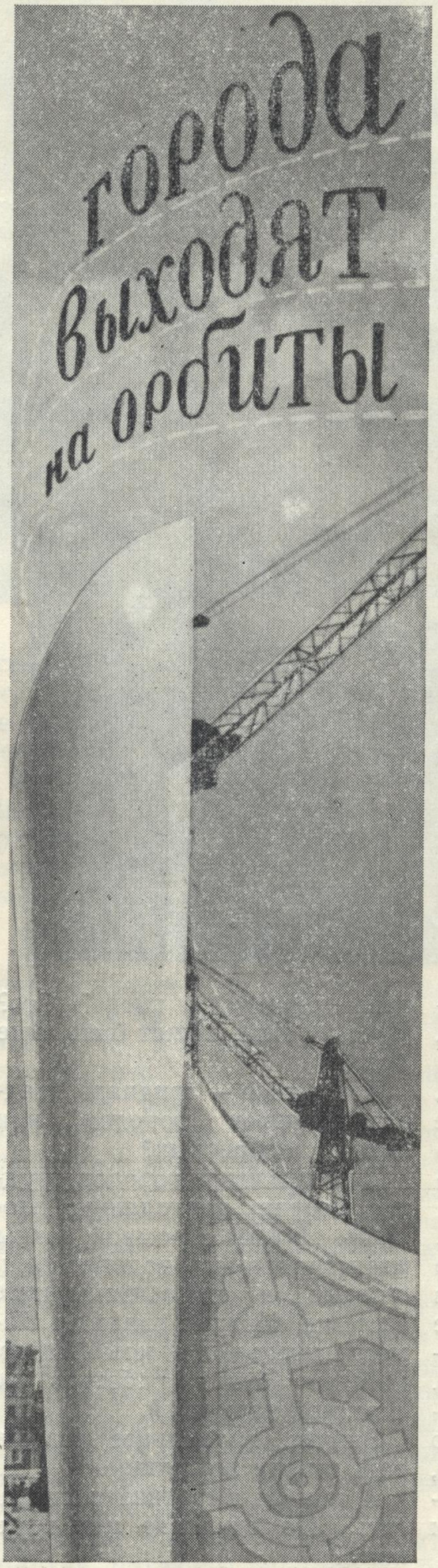
— Отчего же, я думаю, можно; давайте спросим маму.

Всюду были цветы — и в вазах, и в банках, а букет любимых папиных васильков — прямо в ведре на середине стола.

Никто на нас не рассердился, а папа взял нас на руки сразу обеих и сказал, что его самолет летал сегодня выше всех.

Тут все опять запели: «Тысяча метров, тысяча метров», и мы пели тоже.

Города выходят на орбиты



Города-спутники. Залитые солнцем корпуса домов, тенистые бульвары, открытые свежему ветру автомобильные магистрали. Мы построим их не в космосе, а на земле. Пройдет несколько лет — и эти чудесные новые города выйдут на орбиту.

Зачем нужны города-спутники?

За стеклом машины только-только промелькнула надпись «До Ленинграда 10 км», а вместо шоссе уже широкий проспект с многоэтажными зданиями, яркими рекламами. Звонят трамваи, шуршат шинами троллейбусы. Мы в городской черте!

Дорожные указатели не обманывают. Они попросту не успевают за жизнью. Что ни день, на плане Ленинграда возникают новые дома и кварталы. Давно ли, к примеру, Московская застава была пустынной окраиной, местом лачуг, свалок, бездорожья? А теперь здесь появился целый район. Имени Фрунзе, имени Гастелло, Алтайская, Бассейная — многие из этих улиц младше вас, ребята.

Год от года застраивается Ленинград. Увеличивается численность его населения. Это — хорошо.

Но это и плохо.

На улицах толчея. Возле больших универмагов, театров, кино — людской водоворот, поток прохожих вот-вот схлынет с тротуара на проезжую часть. Водитель такси рассказывал: «Ехать в воскресный день по Садовой улице — не то что двух, четырех глаз мало. Тротуары узкие, движение транспорта большое, прохожие — как река в половодье...»

Утром и вечером в городе-великане «часы пик». Кондукторы надрываются: «Граждане, пройдите вперед!» Машины ползут переполненные. Диспетчеры посылают на маршруты дополнительные вагоны, но и их не хватает. Еще бы! Сейчас для каждого второго ленинградца путь к месту работы составляет от трех до девяти километров. Жителям новых районов приходится тратить на дорогу ежедневно час-два. Хорошо — выручает метро! Да и то пока действует только первая очередь...

И еще одно. Если взглянуть на город-гигант с Пулковских высот или хотя бы с холма стадиона имени Кирова, то видно: над крышами висит мутная дымка. Серые флаги заводских труб, дымные шлейфы дизельных автобусов, асфальтовая пыль — все это загрязняет воздушный бассейн Ленинграда. Правда, на многих заводах специальные устройства улавливают дым и копоть. И все-таки... И все-таки, когда осенью вы возвращаетесь в город с дачи или из пионерского лагеря, вам первые дни дышится труднее.

Теперь вам понятно, для чего нужны города, о которых начат рассказ?

Недалеко от Исаакиевской площади стоит здание Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР. Здесь под руководством члена-корреспондента Академии профессора В. А. Витмана разрабатываются принципы строительства городов-спутников.

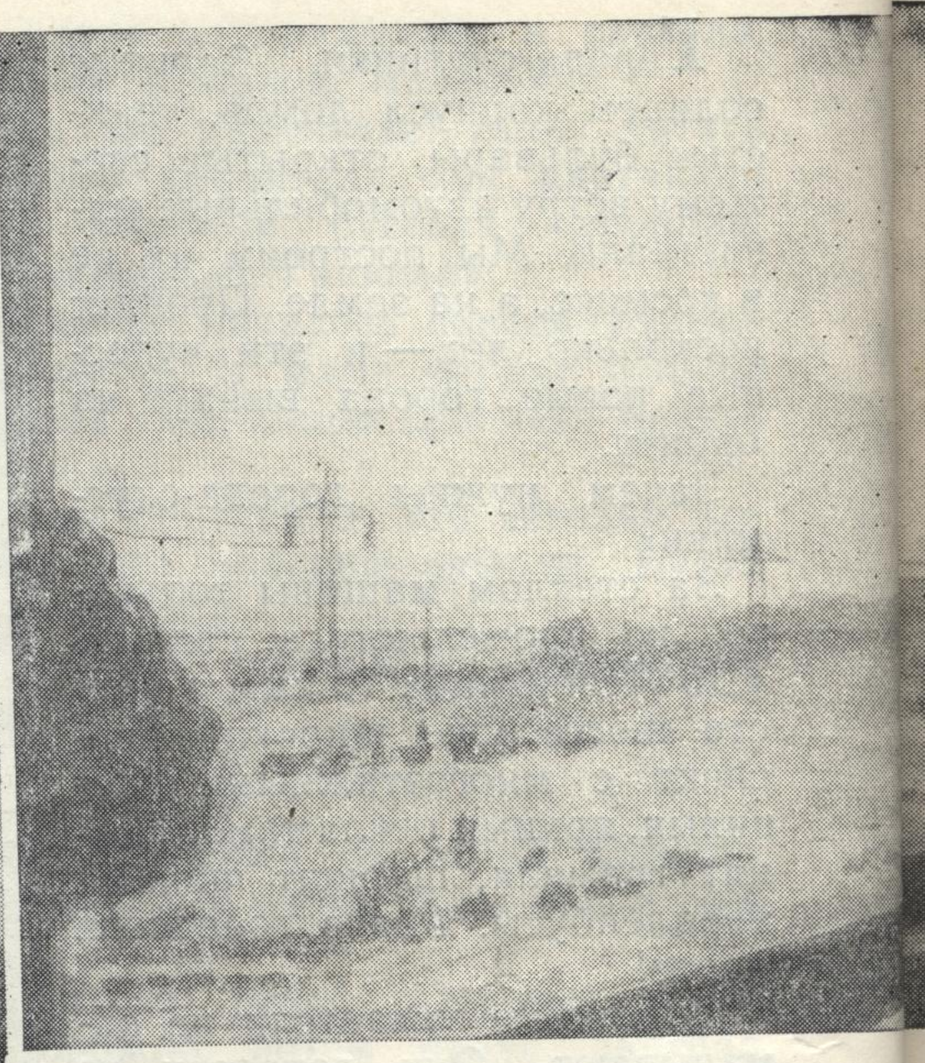
Над чертежами, макетами, фотографиями склонились архитекторы и инженеры. Предлагают. Спорят. Сравнивают. Принимают решения.

Труднее всего договориться о назначении города-спутника.

«Сделаем города-спальни, — говорят одни.— Построим спутники поблизости от Ленинграда. Утром жители станут ездить на работу в основной город, вечером — возвращаться домой».

«Это не дело, — возражают другие. — Все останется по-прежнему, да еще нагрузка при-

В. Ланцов
Рисунки
В. Свешникова



городного транспорта увеличится. Надо строить подальше, километрах в тридцати пяти от городской черты, и перевести туда некоторые предприятия, — большинство жителей сможет тогда трудиться, никуда не выезжая».

Тут в спор вступают третьи.

«Ваша точка зрения тоже неприемлема! Для спутников в пригородах попросту не найти удобного, красивого и — главное — незанятого места. Нужно их отнести еще дальше, и проектировать их нужно так, чтобы не большинству, а всем жителям нашлась работа на месте — из двери в дверь».

Вот сколько мнений. Интересно, вы — за какое?

Следующий вопрос: сколько будет жителей в каждом спутнике. Двадцать тысяч? Сто? Двести? Или, может быть, еще больше?

Что лучше — тридцать двадцатитысячных городов или шесть стотысячных?

Для тридцати городов труднее выбрать подходящую площадь. Нужны огромной длины магистральные водопроводы, газовые и канализационные системы. Нужны тридцать домостроительных комбинатов, которые будут работать не с полной нагрузкой.

Значит, правильнее воздвигать города покрупнее.

А как их выгоднее располагать? По одиночке или группами?

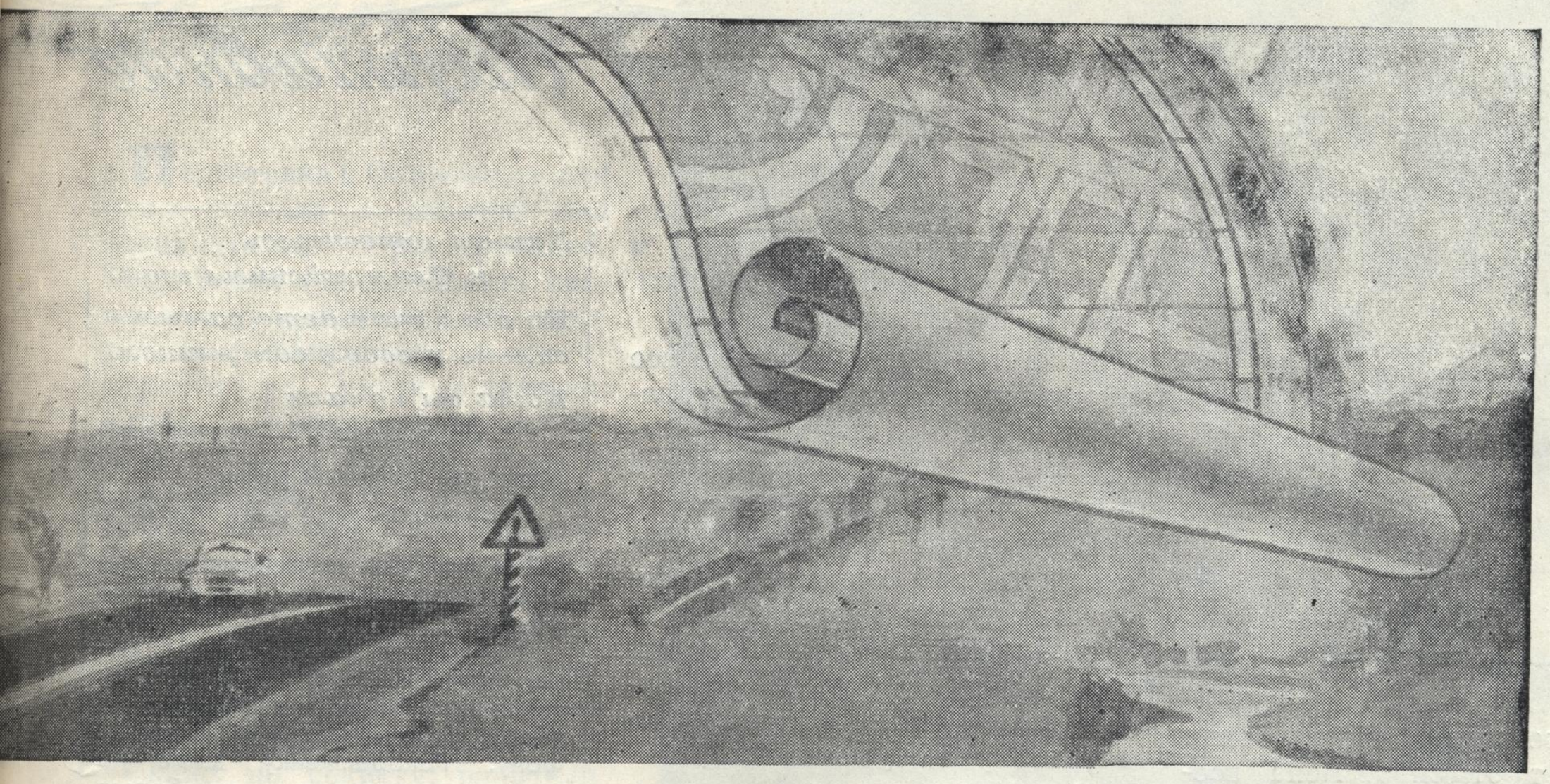
С одной стороны, если уж открывать домостроительный комбинат, то чем ближе к нему города, тем дешевле строительство. Для нескольких городов можно проектировать общие универмаги, стадионы, санатории. Даже театр можно открыть — недостатка в зрителях не будет.

А с другой стороны...

«Ничего не выйдет, — заявляют противники группового размещения спутников. — Со временем эти города сольются вместе и превратятся в одно целое. Зачем тогда и огород городить?»

А вы как думаете? Может так случиться? Только не забудьте про рельеф местности, про леса, реки и озера.

Дальше. Проектировщики убеждены: надо в новом городе сосредоточить заводы и фабрики в одном месте, собрать, как говорят архитекторы, в один «фокус», отделить их от жилых строений плотной стеной зелени, лесным и парковым массивом. А как поступить со столовыми, парикмахерскими, магазинами? Раньше их располагали в первых этажах зданий, теперь — нельзя: домостроительный комбинат выпускает стандартную продукцию. Даже небольшой магазин, запроектированный в



жилом доме, потребует менять его конструкцию. Нужно строить магазины и столовые в специальных зданиях. Вот вам второй «фокус» — торговый.

Как эти «фокусы» сочетать с жилыми квадратами?

Стоят в лабораториях макеты. Город-звезда. Город-круг. Город-линия. Который из них удобнее?

Кое-кто предлагает: сделаем центром города, его ядром, парк с озером или прудом. Вокруг — три кольца: в первом, возле парка, — торговая зона, во втором — жилые корпуса, в последнем, внешнем кольце, — промышленные предприятия. Между кольцами — широкие магистрали. А их, подобно гигантским лучам, пересекают поперечные озелененные улицы.

Интересная мысль! Но бесспорная ли? Хорошо ли, что город будет окружен заводами и фабриками? Ведь дым и копоть неизбежно отнесет ветром в жилые кварталы. Надо, чтобы промышленная зона была с подветренной стороны, а этого при радиально-кольцевой планировке достигнуть нельзя. Да и сами кольца не всегда возможны. Вдруг на месте строительства окажется не озеро, а лесистый берег реки?

Много нерешенных проблем. Много трудностей. Много еще предстоит поработать проектировщикам. Но контуры чудесных городов уже видны.

Давайте совершим поездку в один из них. Она не отнимет много времени — по хорошему шоссе или на электричке полчаса, а на вертолете — раз в пять быстрее.

Вот он под нами — город завтрашнего дня. Нет в нем привычных для глаза тесных кварталов, путаной сети улиц и переулков. Ровными рядами выстроились прямоугольники домов; отодвинутые от проезжей части в глубину, они смотрят фасадами на все четыре стороны. Группа зданий образует «островок» — на языке архитекторов «микрорайон». Живут в нем пять-шесть тысяч жителей. Тут же — все необходимое: школы, детские сады, спортивные площадки, фабрики-кухни, магазины, прачечные, гаражи. Есть и посадочная площадка для вертолетов. Но мы садиться не собираемся. Сделаем круг над спутником.

Четырехэтажные, с огромными окнами — таких зданий больше всего в городе. Они построены из крупных блоков и панелей. В каждом — около тридцати квартир, светлых, солнечных.

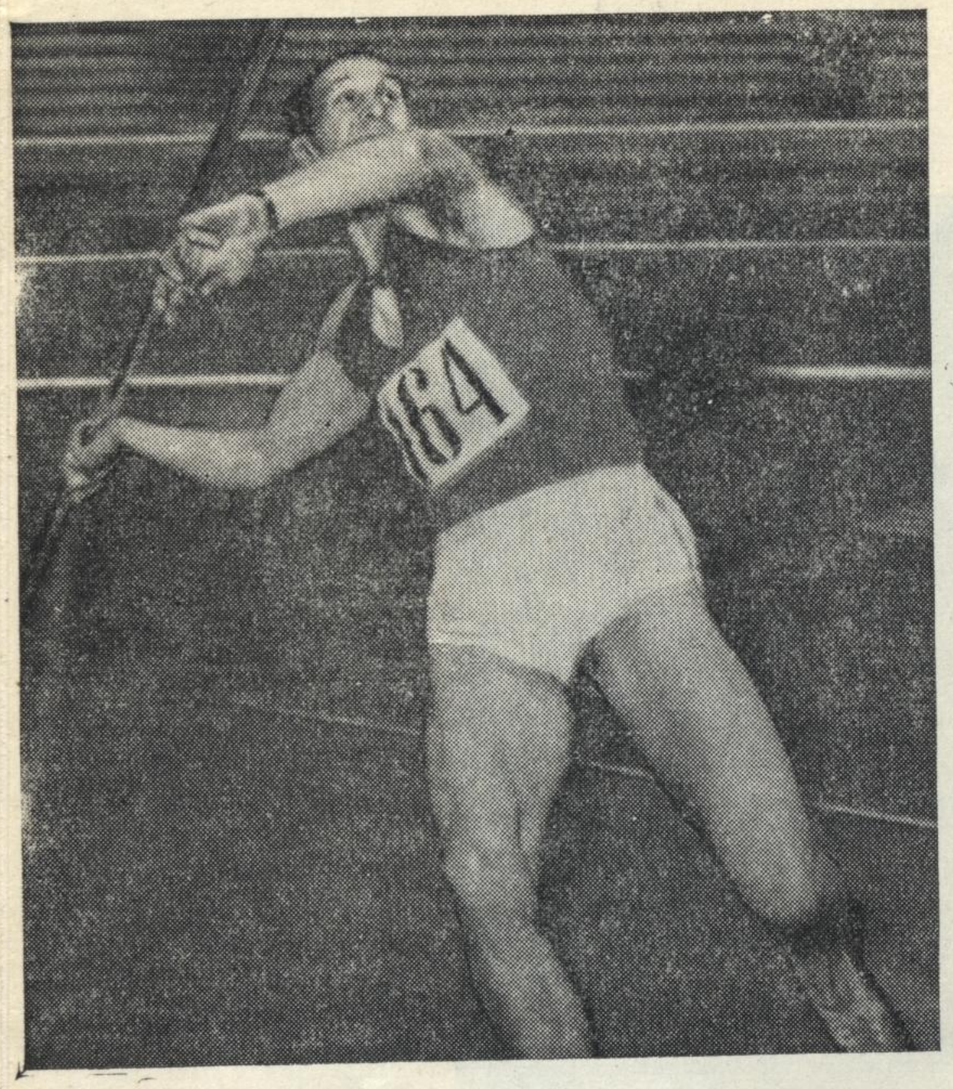
Рядом с четырехэтажными — красивые двухэтажные дома. В них просторные квартиры из четырех, пяти и шести комнат — квартиры для больших семей.

Ни пыли, ни копоти, ни уличного шума. Да и откуда им взяться? Заводы, фабрики, шоссейные дороги отделены от жилых районов рощами и парками. На границах микрорайонов — коллективные фруктовые сады.

Есть в городе автомобили, троллейбусы и автобусы. Но их немного. Здесь — царство пешеходов. Расстояние от любого дома до магазина, вокзала или завода не превышает двух километров. А этот путь за полчаса пройдет каждый.

Недалеко от Москвы уже строится первый город-спутник. Будут они и под Ленинградом. Близится время, когда ленинградцы заселят их — города солнца, свежего воздуха, зеленой листвы.

Спортивные



Программа десятиборья требует от спортсмена всестороннего развития. Готовясь к Олимпийским играм, я тренируюсь шесть раз в неделю, и занимаюсь не только легкой атлетикой, но играю в футбол, баскетбол, волейбол, работаю со штангой.

В 12 лет я уже играл во все спортивные игры, был и нападающим, и защитником, и вратарем в городской детской команде города Покрова.

В Риме мне предстоит борьба с такими выдающимися легкоатлетами, как американцы Рэфер Джонсон и Эдстрем, спортсмен Западной Германии Мартин Лауэр и львовский легкоатлет Юрий Кутенко

Скажу коротко: без метания, бега и прыжка не добьешься лишнего очка.

Василий Кузнецов

Как вы готовитесь к Олимпийским играм?

Кого вы считаете самым сильным своим соперником?

Когда вы начали заниматься спортом?

Что вы посоветуете читателям „Костра“?

Эти вопросы редакция задала трем известным советским спортсменам.

Лучший легкоатлет Европы, десятиборец Василий Кузнецов оказался во Львове, на спортивном сборе. С ним говорили по телефону. Рекордсменку мира по легкоатлетическому пятиборью Ирину Пресс нашли в аудитории Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. Ирина — студентка второго курса.

А чемпион Европы, мира и XVI Олимпийских игр, боксер Геннадий Шатков отвечал на вопросы «Костра» в перерыве между тренировками.

Моя спортивная «специальность» — пятиборье. Больше всего мне нравится барьерный бег.

Каждого, кто стоит рядом со мной на старте, я считаю опасным соперником. Самые грозные мои противники на международной арене — Гизела Биркемайер из ГДР и австралийка Норма Троуэр.

Пять лет тому назад в Самарканде я впервые испытала свои силы в беге на дистанцию 400 метров. Мне, школьнице, удалось тогда выполнить норму третьего разряда. Моя старшая сестра Тамара в это время уже была обладательницей двух всесоюзных рекордов. Сейчас мне удалось догнать сестру.

Быть настойчивыми, никогда не отступать перед трудностями! Только тогда и приходит успех. В этом я убедилась на собственном опыте.

Ирина Пресс

интервью

Подготовка к Олимпиаде для меня совпала с работой над кандидатской диссертацией. Откровенно говоря, делить время между занятиями на юридическом факультете и тренировками на ринге — нелегко. Утром в Университете выступаешь в роли преподавателя и экзаменатора, а вечером в спортивном зале сам превращаешься в ученика и держишь экзамен перед строгим тренером.

Для меня на олимпийском ринге самыми опасными противниками будут англичанин Скотт и поляк Валясек.

Скажу по секрету: родители мои были настроены против бокса. Особенно, когда я приходил домой в синяках. Потом вступил в секцию бокса Дворца пионеров, начал регулярные тренировки под руководством опытных наставников, и дома успокоились.

Советую: стать сильными и ловкими. А путь к этому лежит через спорт.

Геннадий Шатков

Париж. 1924 год

ТРИУМФ ПААВО НУРМИ

27-летний финн Пааво Нурми стал обладателем четырех золотых медалей. И две из них были завоеваны в один день! Сначала в беге на 1500 метров, а через полтора часа — на дистанции 5000 метров. Когда Нурми бежал второй раз, его соперники по бегу на полторы тысячи метров еще не успели как следует отдышаться.

Во время футбольного матча между командами Испании и Италии при счете 0:0 капитан испанцев Валлона забил гол... в собственные ворота. Он был настолько потрясен, что упал на землю и заплакал, как ребенок.

Сквитать счет испанцам так и не удалось.

Амстердам. 1926 год

НЕ ТОЛЬКО МУЖЧИНЫ...

IX Олимпиада была замечательна тем, что в олимпийских соревнованиях по легкой атлетике впервые участвовали женщины.

Чемпионом по плаванию на дистанциях 100 и 400 метров стал американец Джонни Вейсмюллер, тот самый, что впоследствии снимался в роли знаменитого Тарзана.

Лос-Анжелос. 1932 год

ПАМЯТНИК СПОРТСМЕНУ

На стадионе в Хельсинки стоит башня высотой 72 метра 71 сантиметр. На такое расстояние в Лос-Анжелосе метнул копье финн Матти Ярвинен, в честь которого установлен этот своеобразный памятник.

Ходжа Насреддин и семь Мамедов

Рисунок В. Орлова

Узбекская сказка

Ходжа Насреддин шел по базару и вел на поводу своего верного ишака. Он распевал во все горло песню и глазел по сторонам. А кто смотрит по сторонам, тот не видит, что творится у него за спиной. Так и было. Хитрый вор увел ишака, а конец повода привязал к поясу сборщика податей. Ходжа потянул за повод, но повод не подавался. Ходжа рассердился.

— Эй, лентяй, долго ты будешь стоять на месте! — закричал он на весь базар и обернулся. Ай, как удивился Ходжа, увидев вместо осла жирную спину ханского чиновника!

— В первый раз вижу, чтобы молодой ишак так быстро превратился в старого волка! — воскликнул он.

Конечно, чиновник не пропустил этих слов мимо ушей. Он покраснел от ярости и пригрозил шутнику тюрьмой-зинданом. Но народ окружил своего любимца, и проворный Ходжа скрылся, как месяц за облаками.

Он вышел за городские ворота и стал думать, что делать дальше.

— Ночь близка, — сказал он сам себе, — а ночью мудрый человек старается быть ближе к дому, а если дома нет, то хотя бы к дереву!

Он взобрался на карагач, росший возле самой дороги, и уселся там поудобнее, чтобы провести ночь среди ветвей. Но скоро взошла луна, и Ходжа увидел, что по дороге приближаются какие-то люди. Это были семь разбойников, семь братьев Мамедов. Они расположились под деревом, на котором сидел Ходжа, и принялись делить добычу. Один стащил у купца кусок китайского шелка, другой срезал саблю с пояса ханского визиря. Когда же очередь дошла до седьмого брата, он сказал:

— А я увел осла у одного ротозея, а повод привязал к поясу сборщика податей!

И все рассмеялись.

— Ого! — подумал Ходжа, который все еще сидел на дереве: — Мой осел нашелся! — и от радости так подпрыгнул, что ветка под ним переломилась, и он, как спелая груша, свалился на головы разбойников.

— Держи его! — закричали братья. — Это ханский шпион, он нарочно забрался на дерево, чтобы подглядывать за нами.

Ходжа Насреддин очень испугался, но не подал виду. Он изобразил удивление, громко чихнул и спросил:

— Эй, скажите мне, добрые люди, где я, — на земле или все еще на луне?

— Вы слышите, от страха у него помутился разум! — захохотали разбойники. — Неужели ты не можешь отличить землю от луны?

— Ах, — глубоко вздохнул хитрый Ходжа, — когда-то делал я это без труда, но с тех пор как шесть дней и шесть ночей летел по воздуху, я уже ничего не разбираю!

— Не хочешь ли ты сказать, что побывал на луне? — спросил Ходжу атаман.

— О чем тут спрашивать! — махнул рукой Ходжа. — Посмотрите лучше, не зацепилась ли за мой халат какая-нибудь падучая звезда!

Разбойники всплеснули руками, а атаман в нетерпенье воскликнул:

— Так расскажи нам скорее, как ты попал на эту самую луну!

— Очень просто, — начал свой рассказ Насреддин. — Когда луч луны коснулся кровли

моего дома, я уцепился за луч и взлетел выше звезд. Вот как это было.

Разбойники разинули рты, а атаман заторопил рассказчика:

— Говори скорей, что же ты видел на луне?

— Всего и за сорок дней не перескажешь! — вздохнул Ходжа, а сам потихоньку посматривал на рощу, не спрятан ли там его ишак.

— Я гулял по полям из чистого серебра, собирал цветы из жемчуга и алмазов... — продолжал хитрец.

В это время за деревом закричал ишак. Теперь уже Ходжа знал, что ему делать.

— Но самое прекрасное на луне, — воскликнул он, — это была красавица Пери! — и, продолжая свой рассказ; он стал помаленьку двигаться поближе к роще.

— А ты ее видел? — в один голос спросили разбойники.

— И вы можете увидеть ее! — отвечал хитрец. — Стоит только попристальней присмотреться! — И он указал пальцем на луну. — Видите, видите, она там гуляет, на ней платье из белой парчи. Да вы только присмотритесь!

Все семь разбойников уставились на луну, они карабкались на дерево, чтобы поближе рассмотреть лунную Пери, указывали на луну пальцами и строили тысячи догадок, а Ходжа тем временем спокойно добрался до рощи, сел на своего ишака и погнал его в пески.

Он нахлестывал его изо всех сил, но ишак не конь, и скоро Ходжа услышал за спиной стук копыт: его настигали разбойники. Он поднялся на крутой бархан, надеясь скрыться за ним от своих преследователей, и в ужасе остановился: прямо на него мчался сам сборщик податей с отрядом воинов.

— Ах вот ты где! — закричал толстяк. — Именем грозного хана — хватайте его! — И воины бросились к Насреддину. А сзади, горяча коней, беднягу настигали обманутые Мамеды. Но Ходжа Насреддин не растерялся, иначе он не был бы самим собой. Он хлестнул ишака и отскочил в сторону. Разъяренные воины с разбега налетели на взбешенных разбойников, и тут началась такая свалка, что хитрый Ходжа не спеша мог уехать хоть на край света.

— Ночь хороша, и спешить нам некуда! — распевал он во все горло, спокойно похлопывая по спине своего старого друга, а издали долго еще доносились крики и стоны сражающихся разбойников и стражников грозного хана.

Пересказала А. Александрова

Берлин. 1936 год

«ЧЕРНОЕ ЧУДО»

Так прозвали негра Джесси Оуэнса, выдающегося американского легкоатлета. В течение нескольких дней Оуэнс завоевал первенство в беге на 100 и 200 метров, прыжках в длину и эстафете 4 × 100.

Но победы Оуэнса имели не только спортивное значение. XI Олимпийские игры проходили в Берлине, «коричневом» городе — столице фашистской Германии.

Фашисты ненавидели негров и считали их низшей расой. А Оуэнс и его земляк Джонсон вдвоем победили всю немецкую команду, завоевав пять золотых медалей.

Чтоб не пожимать рук неграм, Гитлер вынужден был пять раз убегать с трибуны стадиона к великому удовольствию иностранных корреспондентов.

1940 ... 1944

Мирный факел Олимпийских игр померк перед чудовищным пожаром Второй мировой войны.

Лондон. 1949 год

ЛИДИРУЕТ ЗАТОПЕК

Чехословацкий бегун Эмиль Затопек приехал в Лондон никому не известным спортсменом, хотя было ему уже 25 лет.

Но чешский бегун вскоре доказал, на что он способен. Затопек вышел победителем в беге на 10 000 метров и пришел вторым на дистанции 5000 метров.

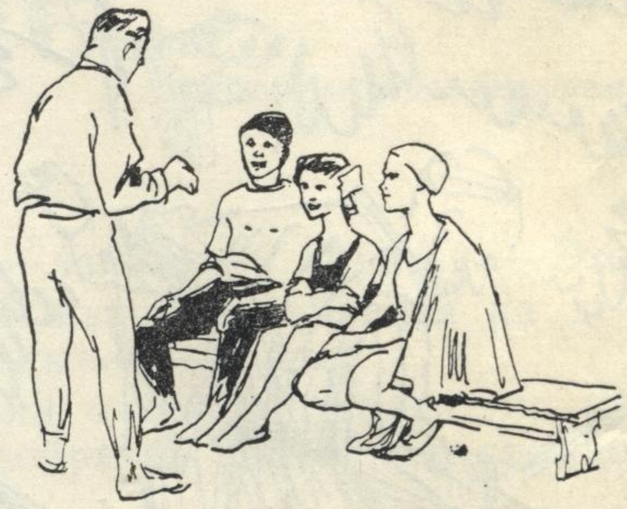
Хельсинки. 1952 год

СССР — 494 ОЧКА!

XV игры превратились в турнир между самой опытной, признанной командой США и самой молодой олимпийской командой — спортсменами СССР. Советскую команду сразу же вывели вперед гимнасты, и американцам пришлось приложить немало сил, чтобы догнать лидера: 494 : 494 — таков итог борьбы сильнейших. Наибольшее количество медалей — четыре золотые и две серебряные — получил в Хельсинки замечательный советский гимнаст — Виктор Чукарин.

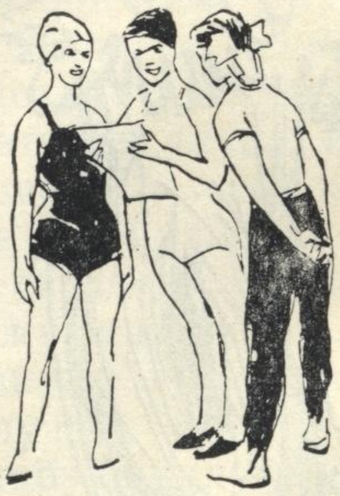
СЕГОДНЯ КИСТЬ И КАРАНДАШ ВЕДУТ СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ

Эти рисунки сделаны ленинградским художником Н. Г. Ломакиным на всесоюзных юношеских соревнованиях по плаванию.

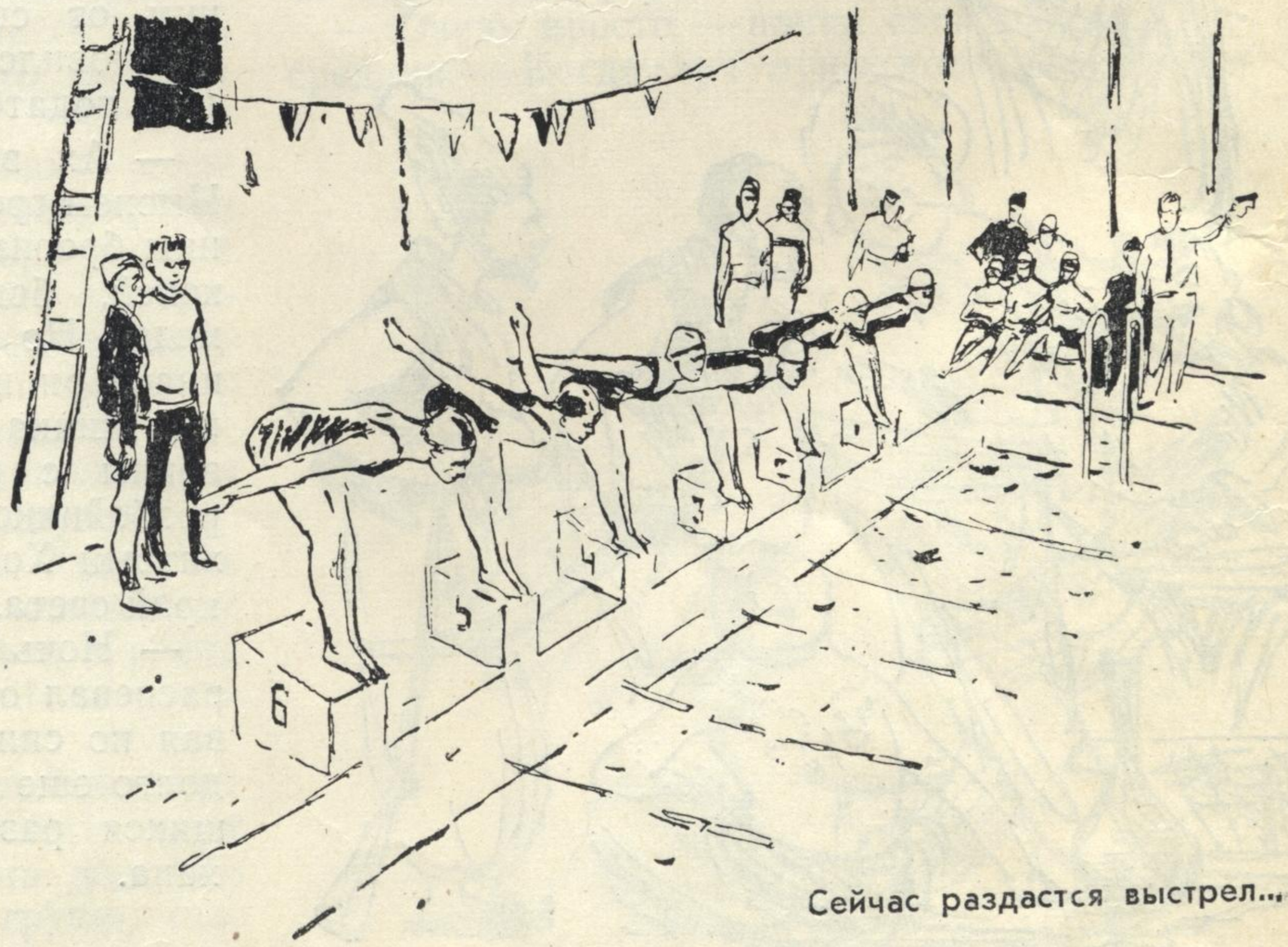


Последние наставления.

«Ка-тя! Ка-тя! Ка-тя!»



Победительница.



Сейчас раздастся выстрел...

КУДА ДЕВАЛАСЬ УТКА?

Рисунок И. Ризнича

Черный аист

А. Сосунов

В детстве больше всего на свете мне хотелось увидеть черного аиста. Из рассказов деда я знал, что эта редкая птица не похожа на своего белого собрата. И не только по цвету — голова, шея, спина, широкие крылья у него вороньи, клюв — ярко-красный, глаза коричневые, очень выразительные. Не похожа еще и потому, что боится человека, селится далеко от человеческого жилья. Дед рассказывал, что черного красавца можно встретить в самых глухих таежных углах Сибири...

Неделями бродил я по родным тобольским урманам и болотам, надеясь встретить аиста, но прошло много времени, прежде чем мне посчастливилось...

Как-то в лесах Конды, притока Иртыша, пробираясь весенней распутицей по бровке реки, я заметил на льду горбатый профиль. Подошел ближе и из-за сосны долго вглядывался в него.

— Черный аист!

Отступив в густой сосновый молодняк, боясь хрустнуть веткой, начал подкрадываться. Страсть охотника брала верх над душой натуралиста, приклад ружья сам собой вдвинулся в плечо, еще миг — и передо мной лежала бы груда перьев. Не подозревая об опасности, аист стоял на одной ноге и клювом перебирал на груди белые перышки. В тот самый момент, когда мой палец лег на спуск, раздались странные стрекочущие звуки. Аист пел! В фантастических звуках стрекотания и пощелкивания, отдаленно напоминающих токование глухаря, слышался шепот тайги, всплески озерных вод и шелест гальки, смываемой прибоем. Голова у аиста закинулась за спину, глаза закрылись, крылья опустились... Колено следовало за коленом... Я поставил ружье на землю и, как завороженный, слушал необыкновенную песню. Над ноздреватым льдом мелькнула чуть заметная тень и рядом с поющей птицей опустилась на лед другая... Прилетевшая была подругой аиста, так как он громче и чаще защелкал клювом и, быстро приседая, начал описывать круги. Сквозь сетку тумана пробился луч солнца, на прибрежном озере затрубили лебеди. Аист перестал токовать и, вытянувшись, застыл четким изваянием. Затем

обе птицы, расправив бархатистые крылья, плавными кругами поднялись над рекой и скрылись из моих глаз.

...Через десять лет случай привел меня в таежные дебри Тевризского района Омской области.

Стоял конец мая — для работ в тайге самая лучшая пора. Все живое цвело, веселилось и пело. В болотных низинах проклюнулась щетинка осоки и ярко горели пучки куриной слепоты. С утра до первых тусклых звезд звучали концерты пернатых: заливисто гремели белобровые дрозды, серебряными колокольчиками заливались зяблики, шепотком бормотали пеночки.

Как-то раз утром, умываясь на берегу залива, я увидел в воде силуэт парящей высоко в небе большой птицы. Узнав старого своего знакомца — черного аиста, я долго следил за ним взглядом.

Аисты гнездились, видимо, невдалеке, так как в тот же день рабочие из нашего отряда вспугнули с болотца какую-то незнакомую им крупную птицу. Вечером я поспешил на это болотце и, устроив на кромке его плотный шалаш, засел в засаду.

На закате солнца урчащий хор лягушек замолк, и на кочки против шалаша опустился черный красавец. Несколько минут он оглядывался, потом, почистив о кочку клюв, занялся охотой. Проглотив с десяток лягушек, аист подошел к самому шалашу. Так близко, что я мог бы погладить его атласное оперение...

Когда совсем стемнело, аист улетел. На другой день я принялся разыскивать его гнездо. На пять километров в окружности табора обшарил тайгу, но гнезда не нашел. К моему великому удивлению, оно оказалось у самого стана. И вот как я узнал об этом...

Таборщиком и кашеваром в нашем геологическом отряде — старик-белорус Викентий Федорович Бабуль, заядлый охотник и своеобразный натуралист.

Однажды, придя в табор, мы застали деда за непонятным делом: он заботливо мастерил клетку.

— Зачем тебе это? — спросил я.

Дед, вскинув лучистые голубые глаза, ответил коротко:

— Да для дитя буселя.

— Какого буселя? Скажи толком.

— Да птаха такая велыкая, вот побачьте маленького буселенка. — И дед Бабуль, к моему удивлению, достал из корзины птенца черного аиста.

— Где ты взял его?

— Да утром, как пошел лозняк резать, под толстой веткой его и нашел.

Аистенок был совсем беспомощный. На полуголом теле реденько пробивались перовые дудки. Несуразно большая голова с толстым клювом плохо держалась на тонкой шее и все время клонилась книзу.

Голенастые ноги подгибались. Он жалобно стрекотал и все время разевал красный клюв.

Наш невольный пленник быстро подрастал и становился все прожорливее. Дед Бабуль еле успевал ловить лягушат на болотинах, каждый день ставил и проверял на реке многочисленные «морды». Попавшуюся в них рыбу сортировал: крупную на уху и жаркое, мелкую — аистенку.

С общего согласия аистенка прозвали Гришкой. Дед все ждал, когда побелеет аистенок.

— Почему бусел черный, а не белый? — не раз спрашивал он. И, хотя я рассказывал старику, что Гришка из особой породы аистов, дед не верил, что знакомая птица может быть черной.

— Не должно того быть, бусел будет белым, — упрямо говорил старик, в недоумении покачивая головой. — И клюв чирвонный, и ноги, все так же, как у наших, а вот цвит не тот...

Только в августе аистенок первый раз поднялся в воздух. Он очень любил блестящие вещи и без конца воровал у деда алюминиевые ложки. Теперь, когда Гришка научился летать, отнимать у него «добычу» стало труднее: улетит и спрячет в укромное место — под мох или бересту...

К нам Гришка относился настороженно, гладить себя не позволял. Если деда в шутку трогали, начинал сердиться, угрожающе стрекотал и, взъерошившись, лез драться. С таборной лайкой Верным, флегматичным и глуховатым псом, аистенок быстро сдружился. Верный разрешал Гришке перебирать клювом шерсть и дергать его за хвост.

Гришка жил с нами до сентября. Улетая иногда на целые дни, он к ночи обязательно без шума спускался на табор. Подолгу вслушивался в таежные звуки, уже не бегал за стариком, как раньше, построжел, и при первых лучах солнца улетал на целый день. Однажды он отсутствовал двое суток. Дед Бабуль не на шутку встревожился. Мы уже потеряли надежду увидеть красноногого щеголя и молча сели ужинать. Потухала заря. Костер бросал на золотистые березы причудливые тени, и вдруг в свете его мы увидели крылатую тень — к палаткам спустился невредимый Гришка.

— Грицко, Грицко, милый, подь сюды, — стал звать его растроганный дед. — Я тебе добрых чебаков оставил.

Аист, словно прострекотав приветствие, важно к нему подошел, схватил из рук рыбку и, ловко подкинув, проглотил. Ночевал он на старом месте в берестяном балагане.

Утром Гришка долго ходил по табору, напоминая мне задумавшегося человека. Потом, видимо, что-то решив, щелкнул несколько раз клювом и, легко поднявшись на окрепших крыльях, скрылся в голубых глубинах.

Больше мы не видели Гришку.

Громовые стрелы

Рисунок Т. Капустиной

Л. Клейн, археолог

Выйди на песчаный берег реки или озера. Песок, прибитый дождем, покрыт мелкой рябью. Кое-где на нем поблескивают острые, голубовато-серые, иногда коричневые или черные камешки, гладкие, как стекло, — кремни.

Если ты проявишь терпение, пересмотришь сотни таких кремней, может быть, тебе повезет и ты найдешь «громовую стрелу».

Встречаются они редко: за месяц поисков мне удалось найти всего три штуки. Три плоских остроконечных кремешка с ровными очертаниями и будто струганой поверхностью, похожих на листик какого-то фантастического каменного дерева.

Бывают кремешки пошире, как лавровые листья, бывают поуже — словно сорванные сливы. Попадаются и треугольные. Иногда они гладкие, будто полированные. Иногда — зазубренные. Чаще

всего их находят после грозы, на месте, где до того была чистая поверхность песка. Вот откуда это звучное народное название — «громовые стрелы».

Еще несколько веков тому назад люди не знали электрической природы молнии и грома. Они думали, что это гневный бог грозы мечет на землю свои огненные стрелы. Древние греки и римляне так и представляли себе Зевса или Юпитера — с пучком молний в руке. А кремешки, появляющиеся после грозы, казались им обломанными от удара о землю головками стрел бога-громовержца.

Это и есть «громовая стрела».

Суеверные люди усердно охотились за такими камнями, а добыв, носили при себе для защиты от злого духа или толкли в порошок и глотали как лекарство. Повелитель монголов Чингиз-хан в юности нашел «громовую стрелу» и считал, что именно поэтому он одерживает победу за победой. В одном старинном русском сборнике народных поверий записано: «Аще (если) кто и стрелу громовую с собой носит, тот может всех одолеть силою своею, и против него никто не устоит, хотя б сильнее его был». И даже в XIX веке некая шотландская леди носила на шее «громовую стрелу» — правда, в отличие от Чингиз-хана, половины мира она не завоевала...

Загадку «громовых стрел» помогли разгадать великие географические открытия. У североамериканских индейцев и у некоторых других племен путешественники увидели в живом обиходе каменные орудия, и среди них — наконечники стрел для лука.

От «болванки» — куска кремня, яшмы, колчедана — легкими точными ударами откалывались длинные плоские пластинки. Края пластинок обтачивались. Готовый наконечник вставляли в расширенный конец древка, обматывали жилами и заливали смолой.

Значит, и наши «громовые стрелы» — никакого не божественного, а самого обыкновенного происхождения: это изделия человека, только очень древние.

Ученые нашли и остатки их «болванок»: граненые каменные цилиндрики, похожие на карандаши. Эти цилиндрики называются «ядрищами» или «нуклеусами».

Точка зрения, отметающая суеверия, победила не сразу. Еще в 1730 году французские академики, заслушав доклад «О стрелах, называемых громовыми», единодушно осудили его за то, что в нем отвергалась возможность образования стрел в тучах под действием грома...

А в наши дни археологи стараются научиться поточнее определять по типу наконечника, по характеру его обработки, когда он сделан: 30—40 тысяч лет тому назад или «всего каких-нибудь» 3—4 тысячи...

Остается один вопрос: почему именно после грозы, ливня, ветра эти кремни появляются на пустом до того месте? Ученые догадались. А ты? Может быть, и ты попробуешь догадаться?

Если пойдешь искать «громовые стрелы», помни: каждая такая находка — новое, пусть небольшое, научное открытие; каждый поход на поиски кремней — настоящая, хоть и самодеятельная археологическая экспедиция. И уж лучше вовсе не поднять с песка обработанный кремень, чем взять и потерять. Надо поступать по строгим научным правилам: аккуратно упаковать кремень, снабдить этикеткой с точным указанием места находки и как можно скорее доставить в ближайший краеведческий или историко-археологический музей. Такое сообщение — сигнал для ученых, новый значок на археологической карте страны, заметка для будущих экспедиций и раскопок.

Невидимки прячутся в земле

Э. Новиков, инженер-геолог

Рисунки А. Януса

Он взбирается на скалы. Идет по лесу. За плечами — тяжелый рюкзак. В руках молоток с длинной ручкой.

Вот он остановился. Чуть нагнулся. Несколько раз ударил молотком по камню. И на ладони лежит кусочек горной породы. Человек вынимает увеличительное стекло, внимательно рассматривает минерал. Любуется блеском кристаллов в изломе образца.

Вы догадались, чем занимается этот человек? Не торопитесь отвечать.

Вот он отложил в сторону молоток, подошел к ручью. Набрал в бутылку воды. Потом вернулся в лес, стал собирать листочки и веточки. Взял из-под ног немного почвы. Может, он — агроном? Странно? Вы перестали понимать, что он делает, зачем ему все это?

...Природа не поскупилась на приметы: там, где земля окрашена в ржаво-бурый цвет, случайно нашли железную руду — целые металлические горы, вроде горы Магнитной. И залежи угля обнаружили благодаря мелочи: случайно положили в костер черный камень...

Но природа хитро скрыла от глаз человеческих, рассеяла в земле другие, очень необходимые металлы. Поэтому их называют редкими.

Сверхвысокие скорости, сверхвысокие давления и температуры — поистине необыкновенное связано с применением таких металлов. И вот как удается их обнаружить.

СКОЛЬКО СТОИТ БУТЫЛКА ВОДЫ

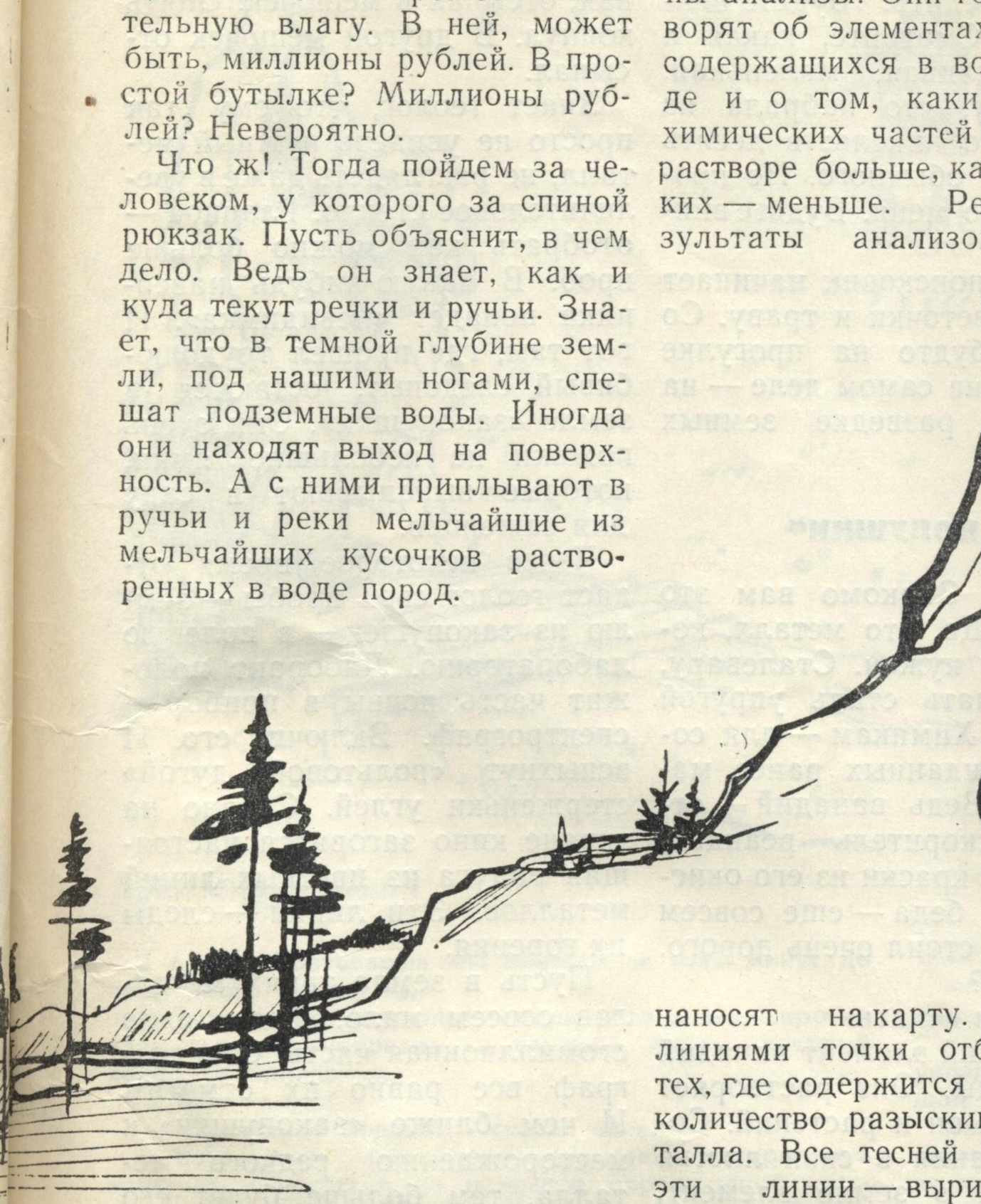
Можете спросить об этом у поисковика. Вон посмотрите, он наклонился к ручью. Осторожно наполнил бутылку чистой водой. Закупорил. Положил в рюкзак.

Захочет пить там, где нет воды, вытащит бутылку и утолит жажду.

Думаете, так?

Нет! Даже в пустыне настоящий геолог сбережет живительную влагу. В ней, может быть, миллионы рублей. В простой бутылке? Миллионы рублей? Невероятно.

Что ж! Тогда пойдем за человеком, у которого за спиной рюкзак. Пусть объяснит, в чем дело. Ведь он знает, как и куда текут речки и ручьи. Знает, что в темной глубине земли, под нашими ногами, спешат подземные воды. Иногда они находят выход на поверхность. А с ними приплывают в ручьи и реки мельчайшие из мельчайших кусочков растворенных в воде пород.



Геолог собирает не одну, не две, а десятки водных проб. И забыть, где какую взял, — нельзя. Поэтому у него есть карта.

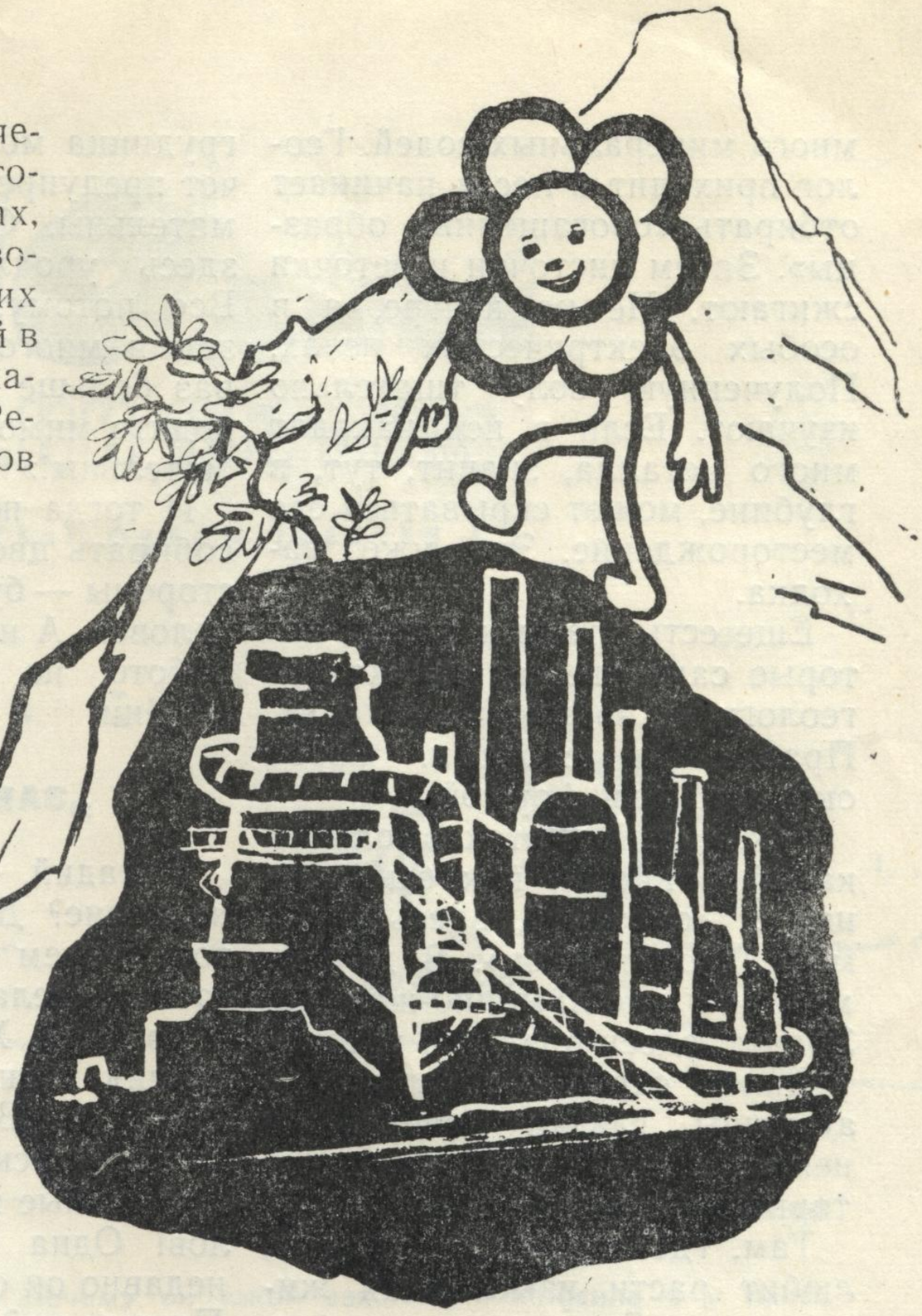
Геолог соберет пробы воды в бутылки, старательно закупорит их, чтобы не попали посторонние примеси, отметит на карте, где взял пробы, и отправить их в гидрохимическую лабораторию.

В лаборатории — стеклянные приборы. Склянки с разноцветными реактивами, большие банки с солями и гнутые трубки. Только в гидрохимической лаборатории и разрешено открывать эти бутылки с водой и определять ее состав.

Наконец получены анализы. Они говорят об элементах, содержащихся в воде и о том, каких химических частей в растворе больше, каких — меньше. Результаты анализов наносят на карту. Соединяют линиями точки отбора проб, тех, где содержится одинаковое количество разыскиваемого металла. Все тесней смыкаются эти линии — вырисовывается «ареал рассеивания» вокруг полезного ископаемого. Портрет невидимки получен!

А когда ученые помогли поисковикам разгрузить рюкзак с водными пробами, стало совсем хорошо. Вместо множества бутылок, химики вручили разведчику недр небольшую склянку с жидкостью. Эта жидкость — химическое соединение различных веществ. Имя ее — дифинилтиокарбазон. Конечно, слишком мудреное, длинное название. Но зато стоит добавить такой органический реактив в сосуд с водой — она принимает цвет в зависимости от металла, растворенного в ней.

Составят геологи карту — и снова в путь-дорогу за новыми чудесными кладами.



ЛИСТОЧКИ И ВЕТОЧКИ

Итак, неутомимый охотник за невидимками собирает осенью желтеющие листочки. Бродит по лесам и полям. Заметили? Осенью.

А разве нельзя в другое время?

Можно, но...

Вы, конечно, знаете, что растения питаются растворами различных солей. Корни их — насосы. Они оттягивают из земли питательные вещества. Среди этих веществ есть обычные: кислород, азот, железо, кальций, сера, калий, магний, водород, углерод, фосфор.

Но деревья и цветы растут в различных местах. И питаются за счет различных почв.

Значит, вместе с обычными они копят и другие химические элементы. Те, которые запрятаны в горных породах этой местности.

...Наступает осень. В растениях собирается в это время

много минеральных солей. Геолог приходит в лес и начинает отбирать «обогащенные образцы». Затем листочки и веточки сжигают. Не на костре, а в особых электрических печах. Полученную золу тщательно изучают. Если в ней находят много металла, значит, тут, в глубине, может скрываться его месторождение. Это уже находка.

Еще есть травы и цветы, которые сами спешат рассказать геологу о подземных кладах. Правда, не словами. Своей окраской или формой.

Так, сизый цветок эмольции калифорнийской как бы сообщает: «смотрите, здесь, подо мной, лежит медь». В другом месте он уже лимонно-желтый. Значит, здесь прячется цинк.

Даже скромные фиалки и анютины глазки совершенно непохожи на себя вблизи некоторых месторождений.

Там, где скрывается золото, любит расти изысканная жимолость. Она — золотолюбка. Украшенные бело-розовыми цветами кусты астрагала указывают на залежи атомного топлива — урана. Горный бальзамин — непременный попутчик молибденовой руды.

Вот, представьте себе, идет геолог по ровным, выжженным солнцем степям. Где уж тут отбирать образцы горных пород! Чернозем под ногами. Шумит вокруг ковыль-трава да типчак... Но что это? Среди них кивает ему пушистой головкой грудница мохнатая, словно хочет предупредить: «Будьте внимательны. Смотрите, какая я здесь уродливая, маленькая. Все потому, что набрала из земли много никеля: в десять раз больше обычного. Не проходите мимо меня. Будьте внимательны!»

И тогда поисковик начинает собирать цветочки и траву. Со стороны — будто на прогулке человек. А на самом деле — на работе, на разведке земных глубин.

„ЗАКОПУШКИ“

Ванадий. Знакомо вам это название? Да, это металл, который всем нужен. Сталевару, чтобы сделать сталь упругой и прочной. Химикам — для создания невиданных ранее материалов. Ведь ванадий — отличный ускоритель реакции. А чудесные краски из его окислов! Одна беда — еще совсем недавно он стоил очень дорого. Почему же?

Не умели искать.

Химический элемент ванадий боится воды. Она растворяет его. Боится он и растений. Соберут растения в свои листья рассеянный в земле элемент, а осенью сбросят вниз. Лежат листья на земле и гниют. Почву образуют. И вот геологи догадались. Именно тут надо искать следы «невидимок».

Снова разведчик недр идет в поле, в лес. Идет с обыкновенной лопатой. Копнул землю. И, особенно не рассматривая, отсыпал в мешочек. Опять копнул. В другой мешочек отсыпал.

Знает геолог, что ему так просто не увидеть нужный металл, не разглядеть даже в увеличительное стекло. Главное — отобрать как можно больше проб. В какую-нибудь наверняка попадет «невидимка». И вот там, где прошел трудолюбивый следопыт, остаются в земле «закопушки». Они очень похожи на небольшие ямки, которые выкапывают в саду для саженцев.

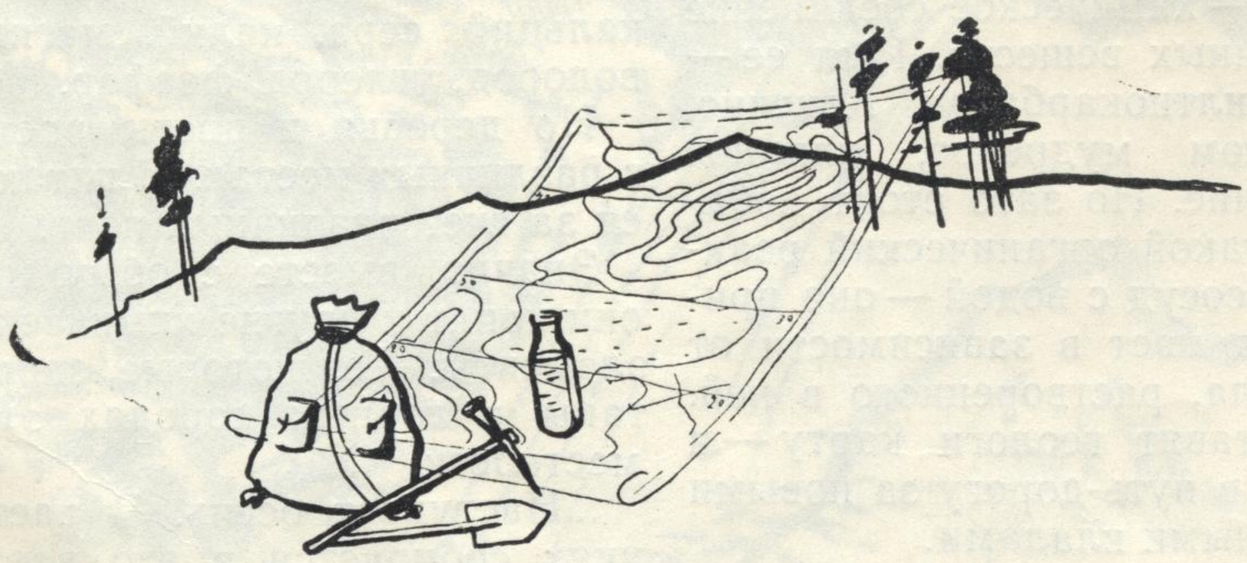
Через некоторое время отдаст геолог свои пробы — землю из закопушек — в полевую лабораторию. Лаборант положит часть почвы в прибор — спектрограф. Включит его. И вспыхнут «вольтовой дугой» стерженьки углей. Словно на экране кино загорится настоящая радуга из цветных линий металлов. Эти линии — следы их горения.

Пусть в земле таких металлов совсем мало. Пусть одна стомиллионная часть. Спектрограф все равно их отметит. И чем ближе «закопушки» к месторождению редкого металла, тем больше будет его в почве. Тем ярче вспыхнет на экране спектрографа цветная «роспись» невидимки.

* * *

Наш рассказ о необычной геологической разведке окончен. Но разведка эта продолжается.

Идет геолог по лесам и полям. Взбирается на скалы. Отбивает молотком кусочки камня. К ручьям спускается. Пробы воды берет. К земле склоняется. В мешочек пробу отсыпает. Шагает по просторам нашей страны неутомимый разведчик недр, хозяин ее богатств.



10 ДНЕЙ ОДНИ ВТРОЕМ

(РАССКАЗ ОДНОЙ ДЕВОЧКИ)

Арк. Минчковский

Рисунки Б. Семенова

В лавку «Хозтовары» мы влетели за пять минут до обеденного перерыва.

— Есть у вас кастрюли? — порывисто дыша, спросил папа толстого человека со скучным лицом, который сидел за прилавком.

— Вам какую?

— Как можно больше, — сказал папа.

— Вот, если подойдет, — продавец неторопливо нагнулся и поставил на прилавок перед папой кастрюлю больше бачка, в котором мама кипятит белье. В нее вместе с гусем наверно бы влезла и я.

— Нет, пожалуйста, поменьше, — сказал папа.

— Поменьше только полированные, — ответил продавец.

— Ну, давайте полированную, все равно.

Продавец посмотрел на нас так, будто был очень недоволен тем, что папа согласен и на полированную, еще медленнее прежнего снял с полки блестящую, как зеркало, кастрюлю и стал ждать. Папа вынул веревочку и принялся мерить, влезет ли в кастрюлю гусь.

— Очень хорошо! Подходит, — воскликнул папа.

— Платите в кассу, — сказал продавец и выписал чек.

Мы пошли к кассе, но там никого не было.

— Где же кассир?

— Сейчас будет.

Толстый продавец медленно двинулся вдоль прилавка и с трудом протискался в будочку, где стояла касса. Он поставил на чек печать и опять отдал его папе. Потом он вернулся назад, взял у папы чек и выдал нам кастрюлю.

— Спасибо, — сказал папа.

Продавец лениво кивнул головой, проводил нас до дверей и закрыл их за нами.

Продолжение. См. «Костер» № 7.

— Почему он такой важный? — спросила я у папы.

— Наверное, он занят, а мы его отрываем по пустякам с разными покупками.

— Теперь все в порядке, — радовался дома папа, укладывая гуся в кастрюлю. — И маме будет небольшой подарок.

Но папа ошибался. Было еще не все в порядке. Мы поставили кастрюлю с гусем на керогаз, и вода вскоре закипела. Потом сперва сварилась, а потом и развалилась картошка и обмякли огурцы, а гусь оставался каменным. Правда, это было даже хорошо, потому что папа только тут вспомнил, что наш рассольник мы забыли посолить, хотя папа еще с утра повесил над столом бумажку: «Не забудь о соли!»

Мы кинули в кастрюлю побольше соли, добавили воды и стали опять ждать.

Тут прибежал где-то пропадавший с утра Валенка. Он явился с черными по локоть руками и перепачканным лицом. Его белая майка была крест-накрест разрисована какими-то рыжими полосами.

— Что это, на кого ты похож?! — удивился папа.

Валенка был так черен и так доволен, словно ему удалось покататься на паровозе.

— Мы заканчиваем новую конструкцию «ВН-11», — заявил он.

— Что это за «ВН-11»?

— «В» и «Н» обозначают имена конструкторов. «В» — Валена — я, а «Н» — Нолька. «11» — значит одиннадцатая модель.

— А почему одиннадцатая?

— Было десять вариантов. Стрсим одиннадцатый, самый совершенный.

— Что же это, вертолет?

— Нет, но не хуже. Завтра будет испытание, тогда узнаете. — И вдруг Валенка ни с того ни с сего добавил: — Папа, я хочу есть. Скоро будем обедать?

Вот это новость! Раньше Валенку обедать и дозваться было невозможно.

— Иди-ка мойся, — строго сказал папа. — Ты с утра сбежал, а мы с Шуриком целый день на тебя работаем. Приведи себя в порядок. Сейчас все будет готово.

Но папа опять ошибся. Валенка вымылся, как не мылся никогда в жизни. Даже уши и шею вымыл. Вытащил из чемодана и надел чистую рубашку. Уселся на веранде с книгой и стал ждать обеда. Но время шло, а наш упрямый гусь, сколько мы его ни кололи вилкой, ни за что не хотел становиться мягким.

— Вероятно, это был гусь с большим жизненным опытом, — пошутил папа и опять подлил в кастрюлю воды.

Но как ни шутил папа, а от шуток сытым не станешь. У меня текли слюни от запаха, который шел из кастрюли, а живот начинало подтягивать. Папа, конечно, держался, но я видела, что ему тоже очень хочется есть. От нетерпения Валенка сам вызвался сходить за хлебом и по пути съел половину батона.

На соседней даче уже начали зазывать ужинать Люсика, а гусь все не сдавался. И тут на нашей половине появилась баба Ника.

— Что ж это, или еще не обедали? — удивилась она.

— Гусь, понимаете, попался упрямый, — будто стесняясь, стал объяснять папа.

Баба Ника молча подошла к керогазу, подняла крышку кастрюли и посмотрела на торчащего вверх ножками гуся в густом жирном супе.

— Разделать его надо, — сказала она. — Так и до утра не упреет.

Папа молчал. Ему больше ничего не оставалось, как слушаться бабу Нику. Тогда она сходила к себе и вернулась с какими-то огромными не то ножницами, не то щипцами.

— Положи, Шурочка, доску! — скомандовала баба Ника.

Ловко воткнув вилку в бок гусиной туши, баба Ника вытащила её из супа и подержала над кастрюлей, пока из гуся не вытекли остатки супа. Потом уложила тушу на доску и взяла свои щипцы. Раздался хруст, и гусь, будто арбуз, развалился на две половинки. Мы все трое, ни слова не говоря, с восхищением наблюдали за бабой Никой. Прежде, когда то же делала мама, никто не задумывался, как это у нее все выходит, а теперь действиям бабы Ники мы удивлялись не меньше, чем чудесам фокусника Кио, которого зимой видели в цирке на утреннике. Не прошло, наверное, и десяти минут, — наш гусь, разрезанный на аккуратные куски, частью был опять сложен в суп, а частью, пуская к потолку пар, горкой лежал на сковородке.

— На завтра, — пояснила баба Ника. — Разогреете, он и дойдет. — Она вытерла свои великанские ножницы и молча удалилась.

Кончили мы обедать, когда уже стало темнеть.

Вечером девочки звали играть, но я никуда не пошла. У меня так болели ноги, будто я ходила пешком в Ленинград, а рот до того сильно зевал, что звенело и болело в ушах. Папа, наверно, тоже очень устал. Он отыскал какую-то газету и хотел почитать, но, усевшись в шезлонг, сразу же ее выронил и задремал.

Вскоре все улеглись спать. Валенка почему-то тоже имел очень усталый вид и вечером еле волочил ноги. Он даже не стал читать новую книгу «Операция «Скорпион», которую успел где-то раздобыть.

Папа уже спал, Валенка свистел носом, а я думала о том, почему папу не удивило, что весь день у нас с ним ушел на варку рассольника с гусем. Как же успевают мамы, которые работают, накормить всю семью? Да еще прибрать в доме, да еще... Но и я тоже уснула.

Валенкины печали

Валенка у нас изобретатель и техник. Ничего на свете он так не любит, как смотреть на всякие машины. Стоит на улице какой-нибудь мотороллер или мотоциклет, — Валенку никакими силами от него не оторвешь, так прямо и норовит в мотор с головой залезть.

Дома Валенка все время что-нибудь изобретает.

У Валенки было много всяких выдумок, но одна из них была самая главная: Валенка придумывал конструкцию, которая называлась «Конвейер-агрегат для вставания, одевания и отправления в школу». Весь этот конвейер был у Валенки нарисован на двух страницах прошлогодней тетради по рисованию и загибался на третью. Валенка долго держал свое изобретение в тайне, но потом не выдержал и показал мне, что это за конвейер. А было нарисовано там вот что: сперва — школьник спит. Потом, в половине восьмого, звонит будильник. К нему присоединена какая-то машина, которая поднимает вверх одеяло и простыню. В это время кровать на колесах подъезжает к ванне и встает на дыбы. Школьник съезжает в воду, а механические губки и мочалки начинают его мыть. Потом вода из ванной вытекает, мыло смывает механический душ, и на чистого мальчишку падает полотенце. Валенка мне все это объяснил и спросил, нравится ли мне его выдумка. Я сказала, что конструкция очень хорошая, только не знаю, какое приспособление станет за него делать уроки. Валенка отобрал у меня

тетрадь и сказал, что я ничего не понимаю в технике, что скоро всё будут делать за людей автоматы и что есть такая электронная машина, которая считает и пишет не хуже нашей учительницы Надежды Степановны, и еще переводит с немецкого и играет в шахматы. Но я-то знаю, что Валенка изобретает все для того, чтобы поменьше делать самому. Он, например, любит вырезывать и клеить всякие штуки и постоянно сорит на пол. Чтобы не наклоняться собирать бумажки, он приспособил палку с гвоздем на конце, а мама потом долго не могла понять, почему у нас весь пол в какой-то оспе. Но когда поняла, выкинула Валенкину палку, а Валенку заставила натирать пол, и он весь вечер пыхтел с щеткой без всяких приспособлений.

На даче нас изводили комары и мухи, тогда Валенка придумал мухогонялку «Смерть паразитам!». Можно было сидеть и читать, а правой рукой крутить ручку мухогонялки, или правой рукой есть, а левой крутить. Сделана мухогонялка была из бывшего зонтика, к голым спицам которого Валенка привязал хвостики из мочалки. Когда зонтик крутился, мочалки поднимали ветер и шипели, и мухи в ужасе улетали. Валенка сказал, что лучше бы, конечно, иметь электрический привод, но, в крайнем случае, можно обойтись и так.

— Валенка, — говорю я, — а как же ее крутить во сне?

— Крути, пока не уснешь, и все! — отвечает он.

— Как же тогда уснуть?

— Как, как!.. Привыкай. Или пусть кто-нибудь другой крутит.

Валенка взял свою мухогонялку и пошел к бабе Нике. Она в это время варила кашу маленькой Маргаритке, а та ее держала за юбку.

— Баба Ника, хотите я вам всех мух прогоню, — сказал Валенка, — никогда возвращаться не рискнут.

Он установил «Смерть паразитам» на плиту. В дверях на улицу замер Нолька, с которым на даче Валенка все конструировал вместе.

— Отойди! — скомандовал Валенка. — Не мешай им вылетать.

Он принялся, как мог быстро, крутить ручки своей машины. Мочалки поплыли в воздухе и зашипели. Мухи заметались, не зная куда им деваться. Баба Ника внимательно, как профессор, наблюдала сквозь очки за работой мухогонялки. Валенка сиял от гордости. Но тут вдруг его конструкция покосилась, Валенка не успел удержать ее, и, вместо мух, с полки с грохотом полетели кружки, за ними пустая банка, а вдогонку закувыркалась коробка с надписью «Кофе Мокко». Кофе стало на лету сыпаться из коробки, и когда она шлепнулась, на полу был уже коричневый островок. Нолька сразу же исчез. Валенка побледнел и не знал, что ему делать, а потом бросил свою машину и, спасаясь, побежал вон с бабы Никиной половины. Баба Ника успокоила Маргаритку, собрала остатки сломавшейся мухогонялки и выкинула «Смерть паразитам» вслед за изобретателем.

С тех пор Валенка бросил строить машины для домашнего хозяйства, и они с Нолькой принялись конструировать какой-то плот-самоход. Но вот, на второй день после нашего гусиного обеда, Валенка еще утром прибежал домой и сказал, что «ВН-11» прошла испытание, прибыла к нам и стоит у входа.

Папа не меньше моего заинтересовался новым Валенкиным изобретением, перестал вытирать посуду, и мы пошли за Валенкой.

Керосиновоз „ВН-11“

— Поглядите-ка, ценная штука! — радовался Валенка.

Возле крыльца стояло удивительное сооружение из большой жестяной банки, двух ржавых колес от детского велосипеда и спинки старой выброшенной кровати. Вся конструкция была похожа не то на детскую коляску, не то на тележку, с которыми дворники в городе убирают мусор. «ВН-11» гордо поддерживал, очень довольный изобретением, Нолька.

— Что это за антилопа? — с удивлением спросил папа, поправив очки и внимательно разглядывая сложную конструкцию.

— Это никакая не антилопа, а керосиновоз — машина для доставки керосина, — объяснил Валенка. — Емкость бака до пятнадцати литров. Закрывается герметическим способом. — Валенка постучал кулаком по пустой банке. — Скорость не ограничена.

— Интересно, — произнес папа и обошел машину кругом. Вся она была опутана и перепутана проволокой.

— Это для прочности, — объяснял Нолька. — По-инженерному называется — для жесткости.

— Г-мм, очень интересно, — повторил папа.

Валенка весь сиял.

— Дай нам денег. Мы привезем керосину, а то у нас уже кончается, — попросил он.

— Хорошо, — согласился папа. — Только не берите

много. Мне кажется, пятнадцать литров — это у вас емкость теоретическая.

— Не беспокойся — испытано, — важно заявил Валенка.

Но тут Нольку позвали домой. Оказалось, ему нужно было ехать в город к зубному врачу. Нолька печально вздохнул и ушел, а я стала просить Валенку, чтобы он взял меня с собой. Мне тоже хотелось посмотреть, как будет действовать «ВН-11».

— Ладно, — кивнул Валенка. — Только будешь идти рядом. Вести машину я тебе доверить не могу.

Мы выехали за ворота. Валенка с таким серьезным лицом катил перед собой тележку, что можно было подумать — он сидит за рулем «Волги». Керосиновоз дребезжал и скрипел, подпрыгивая на ухабах.

— Это потому, что бак пустой, — объяснил Валенка.

Выбрались на шоссе, и машина гладко покатилась по мягкой пыльной обочине. Встречные с удивлением поглядывали на Валенкино сооружение.

Скоро мы подъехали к месту, где стоял керосинщик. Валенка проехал немного дальше, а потом стал пятиться, как это делали шоферы на машинах у нас на Петроградской, когда с товаром подъезжали к магазинам.

— Десять литров, — сказал Валенка керосинщику и отдал деньги.

Я дернула Валенку за рукав.

— Зачем так много?!

— Вовсе не много. Нечего зря машину гонять, — ответил он, не поворачивая головы.

Синий водопадик керосина из мерки литр за литром опрокидывался в воронку, наполняя бак. «ВН-11» немного осел и вправду делался будто устойчивее.

Мы двинулись в обратный путь. Валенке было, наверное, не очень-то легко катить свою конструкцию, наполненную керосином, но он не показывал вида. Выехали на шоссе, и «ВН-11» опять пошел гладко. Колеса конструкции тонко повизгивали, будто пели какую-то песенку. Валенка радовался.

Однако, проехав еще немного, керосиновоз стал как-то странно кривиться, а бак начал съезжать в сторону. Может, это получалось потому, что колеса у «ВН-11» были разные. Одни большие, а другие куда меньше. Одинаковых Валенка и Нолька найти не могли. Теперь, во время хода, большие колеса крутились спокойно и медленно, а маленькие очень торопились, чтобы поспеть за ними.

Заметив неладное, Валенка остановился, велел мне подержать машину, а сам стал подтягивать проволоки.

Потом поехали дальше. Хотя «ВН-11» так больше уже и не выправлялся, а двигался, скособочившись, но, в общем, все было благополучно до тех пор, пока мы не свернули на дорогу, которая вела к нашим домикам-кубикам. Тут-то и началось!

Сперва вдруг сорвалось и само по себе, будто так и надо, побежало в канаву маленькое колесо.

— Лови скорей! — крикнул мне Валенка, едва удерживая керосиновоз, чтобы тот не опрокинулся.

Я побежала за колесом, но как его было достать?..

— Оно прыгнуло в крапиву! — кричу я.

— Ну и что, трусиха? Вытаскивай, скорей!

— Сам вытаскивай оттуда!

— Да видишь же, я от машины не могу уйти, — грохнется.

Что было делать? Я зажмурила глаза и полезла в крапиву, но ничего в ней найти не могла, а ноги мои и руки уже будто сто комаров кусали. Я выскочила из канавы.

— Кусается!

— Вот еще уродик! Иди скорей сюда, держи.

Валенка сам полез в крапиву, но тоже не сразу разыскал в ней колесо.

— Больно? — спросила я, когда он вернулся.

— Ерунда.

Но он только храбрился. Скоро его ноги и руки стали покрываться красными вздутыми пятнами. Валенка делал вид, что не обращает внимания на боль и только сопел, прилаживая колесо. Я с трудом удерживала на весу «ВН-11». Наконец Валенка выпрямился и сказал:

— Всё в порядке. Авария ликвидирована.

Мы отправились дальше.

Теперь керосиновоз хоть и двигался, но кривился еще больше, чем раньше, и все время норовил съехать в канаву. Валенка еле удерживал машину. От усилий он раскраснелся и вспотел. Я шла рядом

с керосиновозом и тянула банку в другую сторону, чтобы она не выскочила из проволоки и не свалилась.

— Ничего, — успокаивал сам себя Валенка. — На первой скорости дойдет.

Но только он это сказал, как раздался грохот. Я едва успела отскочить в сторону, а керосиновоз «ВН-11» в одно мгновение как-то осел и сразу же развалился. Колеса оторвались и побежали кто куда. Банка упала на землю. Пробка выскочила, и в пыль толстой струей полился керосин.

Валенка кинулся к банке и стал ее поднимать. Штаны его сразу же покрылись темными жирными пятнами.

— Дотащим так. Потом отремонтирую. — Валенка печально посмотрел на то, что осталось от керосиновоза «ВН-11» и вздохнул. — Я понесу бак и раму, а ты бери все остальное.

Валенка в одну руку взял бак, а другой ухватил колеса и потащился с ними к дому. При этом он кренился вправо не меньше своего развалившегося керосиновоза. Это банка с керосином перетягивала Валенку.

Мне стало его жалко. Я, как могла, связала проволокой остатки «ВН-11» и поволокла их по земле вслед за Валенкой. За мной поднимался такой столб пыли, что со всех дач стали кричать, чтобы я перестала безобразничать.

Но все-таки я дотащила железины до нашей территории. Весь мокрый, Валенка ждал меня у ворот. На крыльце нас встретил папа. Он посмотрел на Валенку и кучу лома и сразу все понял.

— Бывает, — сказал он. — Видимо, расчет был не точен. Хорошо, что вам еще не пришлось прыгать с парашютом. При испытании новых конструкций самолетов случаются вещи куда неприятнее.

Одни втроем

Утром, когда лучи солнца лежали на полу нашей комнаты, показывая, как плохо он подметен, мы все трое уселись на кроватях, и папа повел такой разговор:

— Интересно, — сказал он, тоскливо посмотрев на свою пишущую машинку, которая в запылившемся футляре скучала возле его кровати, — когда же я буду работать? Пока что весь день уходит на разные хозяйственные дела. Надо что-то придумать...

Он встал и заходил вперед и назад по комнате в своих широченных, как у футболиста, трусах.

— Так вот, дорогие друзья! — Папа поднял вверх палец. — Мы должны победить все трудности и, как говорится, войти в нормальную колею.

А разных трудностей, или, как их называл папа, проблем, у нас, хоть мы без мамы жили всего три дня, с каждым часом прибавлялось.

Одна из них была в том, что, оказалось, — надо кормить Бума и Курнаву.

Сперва мы об этом как-то забыли. Но скоро Буму и Курнаве сделалось обидно, что о них не думают, и они стали напоминать о себе.

Курнава принялась бегать за мной по пятам и мяукать. А Бум не стал скулить. Он просто все время ходил и сидел на задних лапах, что вообще-то ему сделать ничего не стоит, и смотрел нам всем в рот такими глазами, будто говорил: «И неужели у тебя хватит совести съесть этот кусок колбасы, когда перед тобой твой любимый верный пес, который может умереть с голоду?» Мы с Валенкой отламывали по половинке бутерброда и потихоньку кидали его Бумке. Он ловил на лету то, что ему бросали, торопливо проглатывал, а потом снова поднимался на задние лапы и глядел на нас так, будто ничего не получал. Мы кидали ему еще и еще... От мамы нам бы за такие штуки здорово влетело, но папа в это время смотрел в газету и ничего не замечал. Тогда Бум, осмелев, стал требовать подачки и от папы, и до тех пор перед ним пританцовывал и облизывался, пока папа не намазывал кусок булки маслом и не давал ему.

— Собаку и кошку надо чем-то кормить, — сказал он. — Не вспомните ли вы, чем их кормила мама?

— Бумка ел свой суп, — сказал Валенка.

— А Курнаве мама варила рыбу, — вспомнила я.

— Этого еще мне не доставало! — воскликнул папа. — Кошке варить уху! У кого хватит времени!

— Лучше ей купить копчушек, — посоветовал Валенка. — Она их ест, даже очень любит. Я знаю.

— А Бумке дешевой колбасы, — сказала я. — Он ее обожает.

Папа согласился, и с этого дня наши домашние звери стали получать свой дачный паек.

Однажды утром папа, очень довольный, пришел с рынка с большой книжкой, обернутой в желтую бумагу. Он сказал, что ему

случайно повезло, и он купил книгу «О вкусной и здоровой пище».

— Это как раз то, чего нам не хватало, — заявил папа. — Вот эта научная книга поможет нам избавиться от иностранной зависимости, то есть от зависимости от бабы Ники, — объяснил он.

Он снял обертку и стал листать книгу. Там были яркие разноцветные картинки со всякими тортами, салатами, целыми рыбами, очень красиво уложенными на блюде.

— Ага, вот!.. Борщ украинский! — Папа радостно заулыбался. Он очень любил украинский борщ, который готовила мама.

— Шурик, бери карандаш! — закричал он мне. — Сейчас мы с тобой сделаем — как это называется? — раскладку. Садись и пиши... Итак, что тут сказано? «Сварить мясной бульон и процедить его». Это мы можем сделать. Значит, во-первых — вода и мясо.. Затем — коренья, потом нужно свеклы. Дальше... Какой-то еще жир? Г-мм, свиной... Затем — томат-пюре. Можно еще хлебный квас или свекольный квас. Где мы его возьмем? Я думаю, Шурик, это излишества? Как ты думаешь, можем мы обойтись без свекольного кваса?

Но тут примчался Валенка. Просунул свою голову с улицы в окно и кричит:

— Папа, у нас спор. Борька Скутальковский говорит, что вокруг Марса ракетные спутники летают, а мы с Нолькой смеемся. Откуда там они могут быть, там и людей-то нету. Что же, их мамонты сконструировали?

— Там и мамонтов нет. Одни каналы, — вставляет Нолька. Он появился в окне рядом с Валенкой. А над ними голова самого Борьки.

— Есть там искусственные спутники, — заявляет он. — Я в газете читал. Летают. И, может, уже тысячу лет.

Валенка и Нолька как захохочут! Но папа вдруг говорит:

— Действительно. Имеется такая гипотеза, то есть, значит, предположение.

Валенка и Нолька как будто по грецкому ореху проглотили. Рты раскрыли и спрашивают:

— Откуда же, без людей?

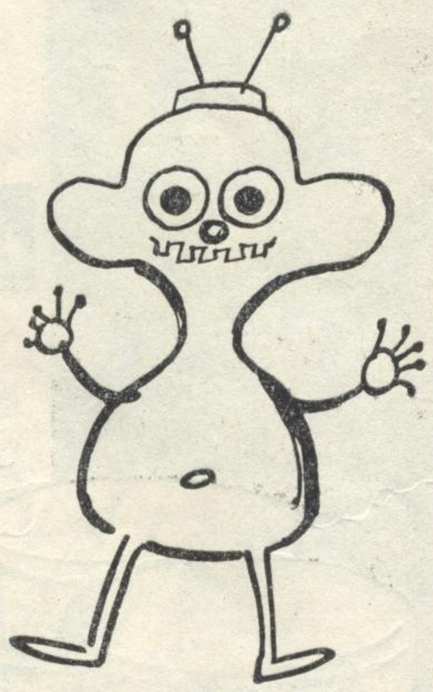
— Они там, возможно, были, но переселились на другие планеты.

— Вот это да! Куда ж они улетели?

— Трудно сказать, — говорит папа. — Это, конечно, еще не проверено. Подождите. Я сейчас к вам выйду.

Он захлопнул книгу о здоровой пище и пошел к мальчикам. У стены нашего домика лежал притащенный откуда-то Валенкой старый лист фанеры. С одной стороны он был оклеен порванными обоями, а с другой чистый.

— Найдите-ка мне кусочек уголька, — попросил папа.



Марсианин

Валенка и Нолька сломя голову бросились за углем и притащили его столько, что, наверное, хватило бы поставить самовар.

Папа нарисовал на фанере Солнце и Землю, Луну и Марс, и еще какие-то планеты.

— Солнечная система огромна, — сказал папа.

Тут он стал рассказывать удивительные вещи. Оказалось, что про другие планеты люди еще очень мало знают и только теперь, как объяснил папа, наука начинает постигать некоторые тайны вселенной.

Папа сказал, что, возможно, есть люди и на других планетах. Может быть такие же, как и мы, а, может быть, и не похожие на нас, но разумные существа.

— Наверное, у них головы, как скафандры водолазные, — сказал Нолька.

— Почему именно, как скафандры? — удивился папа. — В свое время люди думали, что на землях, которые они открывали, например, в Африке или на океанских островах живут чудовища, а оказалось, такие же люди, только другого цвета кожи.

Пришли Чики и тоже стали слушать. Потом прибежала Танечка с пирогом в руке. Скоро вокруг папы собрались все ребята, которые жили на нашей территории. Даже маленькая Маргаритка с мишкой в руках пришла. И хотя она ничего не понимала, но нам не мешала и смотрела на кружки, которые рисовал папа. А папа все рассказывал и рассказывал. Он сказал, что если Луну окружить земным воздухом, то, возможно, на ней вырастут леса и сады, и появятся моря и реки, и там будет замечательный климат, и люди в будущем, возможно, будут летать на Луну отдыхать, как сейчас ездят на Кавказ, и там можно будет открыть лунный Артек для пионеров.

— Вот здорово! — воскликнул Валенка.

— И по радио можно будет с одной планеты на другую всякие новости передавать, верно? — сумничал Борька Скутальковский.

— А мы дождемся, чтобы на Марс полететь? — перебил его Нолька.

Такой шум поднялся, даже Бум залаял. Будто он тоже забеспокоился и захотел узнать, есть ли на Луне собаки, и маленькие они или большие.

Папа вспотел и стал платком лоб вытирать.

— Довольно, — он перевернул фанерный лист и снова прислонил его к дому. — Вернемся на землю и будем заниматься своими делами. Пойдем, Шурик. У нас с тобой еще много дел на Земле.

А время все-таки идет

Прошла неделя, как мы жили втроем с папой и, в общем, ко всему, кажется, привыкли.

Между прочим, хотя у нас теперь часто не бывало супу и компот мы тоже не варили, а мамины пирожки и ватрушки я только во сне и видела, — денег у нас уходило куда больше, чем у мамы.

— Ничего не понимаю, что за прорва? — удивлялся папа.

Он послал меня к бабе Нике и велел принести от нее счеты, которые, конечно, баба Ника возила с собой на дачу. По вечерам, когда Маргаритка уже спала, баба Ника садилась у окна, что-то отсчитывала и записывала в школьную тетрадку.

Я принесла счеты. Они были такие маленькие и аккуратные, что так и хотелось поиграть в кассиршу. Папа взял их, уселся за стол на веранде и тоже стал что-то считать и отмечать самопишущим пером на бумажке.

Он долго стучал колесиками на счетах, быстро записывал и поминутно смотрел на облезлый потолок веранды. Но, наверное, ничего там и не увидел, потому что в конце концов все перечеркнул, что писал, а счеты поднял и, тряхнув ими, смешал все колесики. Потом он положил счеты и сказал:

— Совершенно не понимаю, как это мама укладывалась? У нас с тобой, Шурик, неизвестно куда ушла уйма денег. Придется съездить в город и затронуть некоторые сбережения.

К этому времени и случилась еще одна печальная история. В нашем доме вдруг все сделалось грязным. Не подумайте, я не о посуде говорю. Посуду мы с папой мыли вместе, а Валенку от этого занятия освободили. Он бы иначе обязательно что-нибудь себе в помощь изобрел и перебил бы последние тарелки и чашки.

У нашего Валенки это очень даже здорово выходило: что ему не поручат — он так сделает, что лучше его ни о чем не просить.

Вот, например, пошлет мама Валенку за булкой, — он обязательно забудет сумку взять и принесет батон

с чернильными печатями от своих пальцев. Или заставят его ботики под краном мыть, — он такую пачкотню разведет, что мама после него кухню дольше, чем он боты мыл, убирает.

Так и на даче было. Скажут Валенке, что нужно веранду подмести, — он так постарается, что потом песок, как на пляже, под ногами хрустит.

Вот и приучил всех к тому, что он все очень плохо делает и лучше от него ничего не требовать. Он, если его о чем-нибудь попросят, вздохнет и посмотрит так, будто говорит своими глазами: «Пожалуйста, не заставляйте меня, а то, вы же знаете, — я обязательно все плохо сделаю и вам же хуже будет». Папа и правда думает, что от него все равно толку мало, постыдит его и отпустит. А Валенке только этого и нужно. Он убежит подальше и играет в пинг-понг с Борькой и Нолькой. Как будто мне меньше его играть в пинг-понг хочется.

Раз днем папа говорит Валенке:

— Слушай, переоделся бы ты. Пойди, надень свежую рубашку. На что твоя майка похожа?

А Валенка отвечает:

— Я бы давно надел, да ни одной чистой нет — все грязные.

Тут мы с папой заглянули в «чистый» чемодан и увидели, что в нем совсем пусто. Зато корзинка, в которой лежало грязное белье, была до того набита, что и не закрывалась. Оказалось, не только у Валенки, но и у меня и у папы ничего чистого не осталось. И полотенца, которые висели на гвоздиках, были последними, и скатерть, которую мы два дня назад на стол положили, уже вся в разноцветных пятнах была. Особенно, конечно, там, где Валенка сидел.

— Вот так задача, — вздохнул папа. — Я ведь это как-то упустил. Оказывается, все нужно регулярно стирать, иначе мы погибнем.

— Я бы стал стирать, да не умею, — сказал Валенка.

Папа даже прикрикнул на него:

— Помолчи ты хоть немного! Кто не знает, что ты ничего делать не умеешь!..

Затем вздохнул и сказал:

— Жаль, Шурик, что здесь нету прачечной, как у нас на Петроградской. Она бы и на даче была очень кстати. Придется найти женщину, заплатить ей как следует и попросить нам все выстирать. Для умелой женщины это пустяки.

Папа отправился к Чикам спросить бабушку, не знает ли она тут поблизости женщины, которая могла бы нам помочь. Но знакомой женщины ни у Чиков, ни у других соседей не отыскалось. Правда, пришла одна маленькая старушка, посмотрела корзину с бельем и сказала, что белье хорошее и она бы его с радостью постирала, да у нее нет сил... Вот, если бы скинуть ей годков двадцать!.. Она еще рассказала, что работала раньше в доме отдыха, а теперь на пенсии, что у нее сын — майор в Киеве, а дочка в Оренбурге, и они ей помогают и шлют письма, а внучки прислали открытки с картинками, и что она скоро поедет погостить к внучкам в Киев.

Старушка ушла, а папа пожал плечами и сказал:

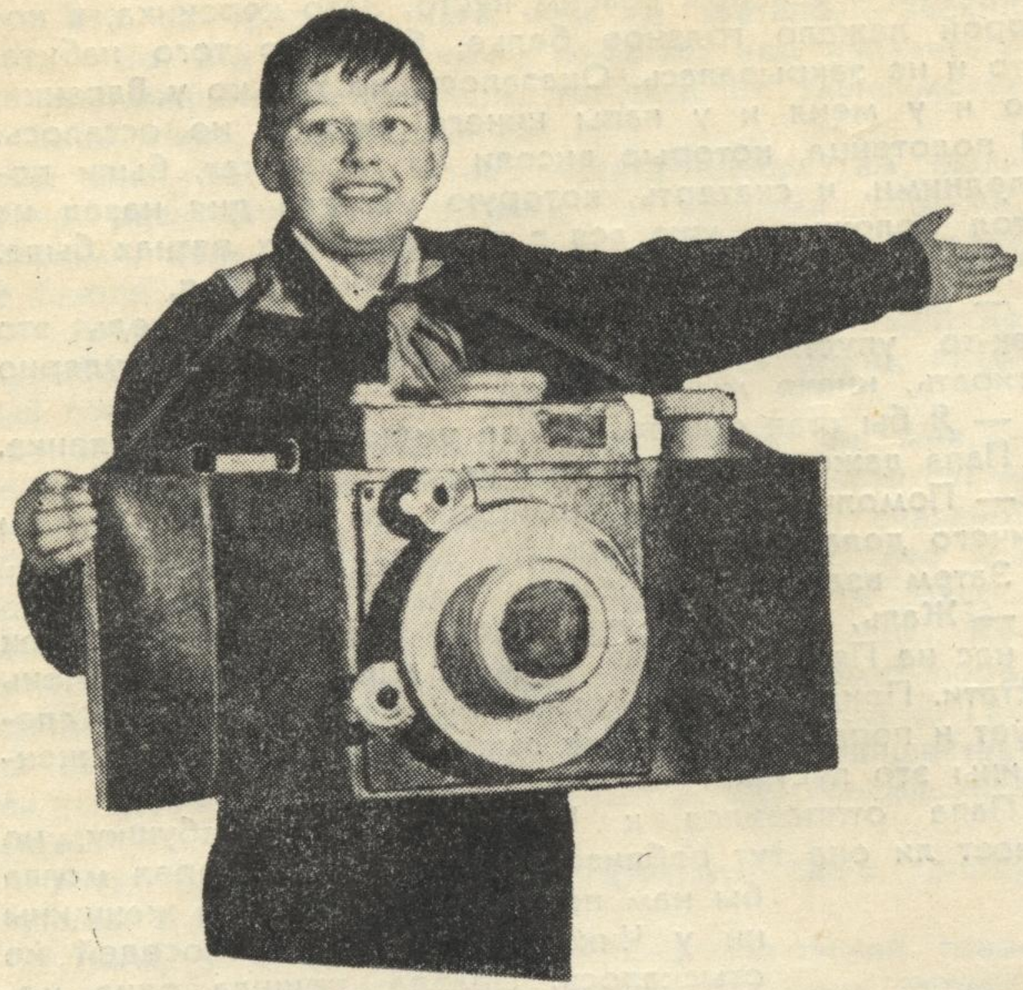
— Совершенно непонятно, зачем она приходила.

Потом еще приходила молодая тетка в сапогах на босу ногу. Тетка тоже посмотрела, что нужно стирать, и сказала, что может прийти завтра. Она велела нагреть побольше воды и купить мыла и стирального порошка. Папа очень обрадовался и сказал, что все будет сделано, пусть тетка не беспокоится.

Мы купили четыре куска ядрового мыла и две пачки порошка «Снежинка». Папа встал пораньше и натаскал воды. Он налил ее всюду, куда только можно было налить. Мы поставили воду греться и на примус, и на керогаз, и еще на бабы Никину керосинку и стали ждать тетку. Но она так и не пришла.

Тогда папа поснимал с огня воду и сам стал собираться в город. Потому что, во-первых, у нас уже не было ни копейки денег, а во-вторых, он должен был обязательно побывать в своем институте. Папа сходил к бабе Нике и попросил приглядеть за нами, пока его не будет. Потом он надел пиджак и летнюю шляпу, взял портфель и сразу сделался папой не дачным, а городским. На прощанье папа поцеловал нас, сказал Валенке, чтобы он себя вел как порядочный человек, погладил Бумку и ушел на станцию.

Окончание следует.



400 ГОЛОВОЛОМОК

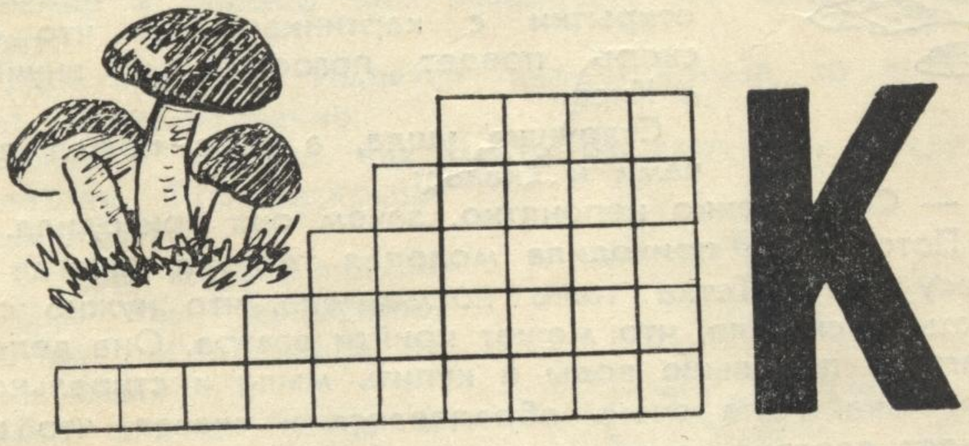
НАШ КОНКУРС

У КОГО ЛУЧШЕ?

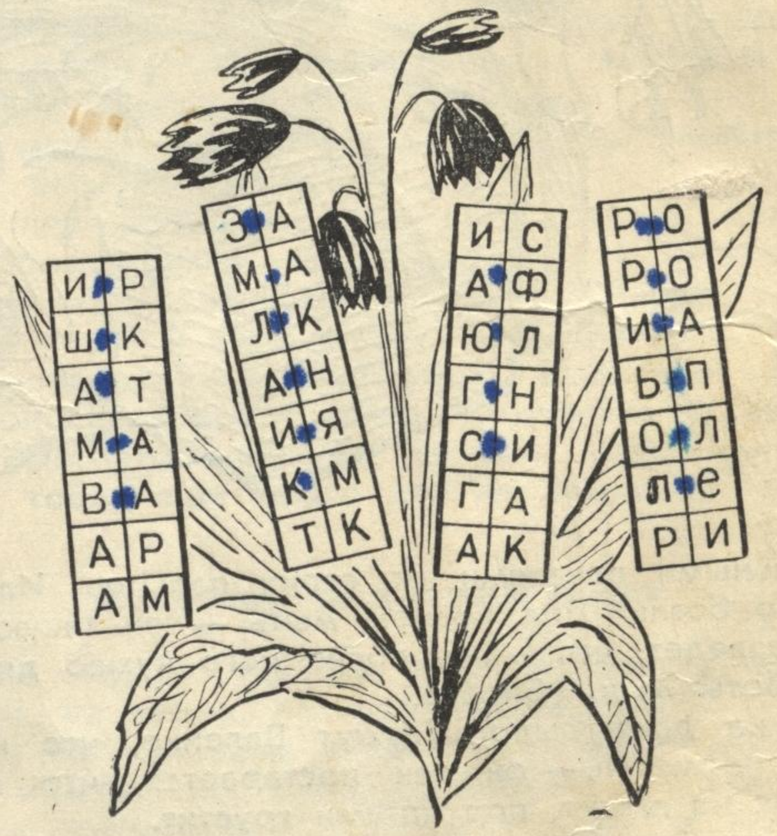
ВАЛИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ребята из биологического кружка 78-ой ленинградской школы принесли в редакцию 400 головоломок. Сами придумывали, рисовали, сами разгадывали. И знаете где? На уроках!

Представьте себе: идет занятие по зоологии. Вы отвечаете на вопросы викторины — узнаёте по внешним признакам породы рыб или решаете кроссворд. Ответили правильно — пятерка. Не верится?



Впиши названия различных грибов, чтоб буква «К» была общей.



Переставь и прочти названия цветов.

Юные биологи 78-ой школы не только головоломками увлекаются. В кабинете естествознания — на столах, на полках, на стенах — десятки наглядных пособий. Развитие черепахи, чучела окуня, стерляди, гадюки; морская звезда, раки, бабочки, гербарии, редкие птичьи гнезда...

Все это собрано кружковцами в дальних и ближних походах. Каждый экспонат добыт своими руками — на воде, под водой, на земле и в воздухе. Каждый о чем-то напоминает.

Уж и черепаха — о Днепре, шлюпках, попутном ветре.

Гербарии — о Карельском перешейке, дальних дорогах, кострах и ночевках в лесу.

А из четырехсот задач, что принесли ребята, мы выбрали две и поместили на этой странице.

* * *

Кадрику, Кисточке и Нескладушкину головоломки очень понравились. Они решили придумать свои, а чтобы было интереснее, провести конкурс на лучшую головоломку.

Но конкурса без жюри не бывает. И редакция приглашает в жюри всех читателей «Костра». Решайте сами, у кого лучше.

Нескладушкин придумал шараду. Она не очень складная, но зато хитроумная:

Нетрудно получить начало,
«перевернув» большой сосуд.
Но одного начала мало —
ищи конец в лесу!
Все слово медное,
свинцом покрыто,
да, к тому же, оно еще
и в землю зарыто...

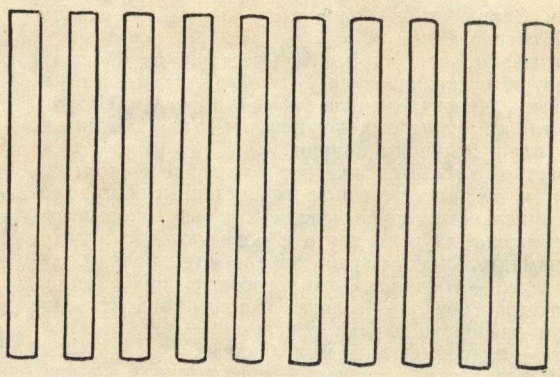
Кадрик сфотографировал свою собаку Ландыша за серьезным делом: Ландыш решал задачу — как сделать равенство правильным, переложив одну только палочку.

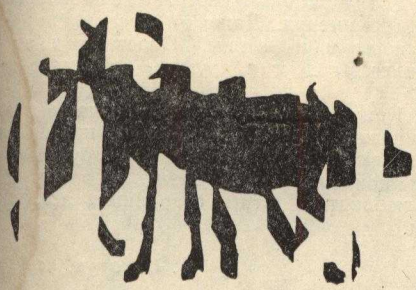
А Кисточка составила две головоломки.

Ну-ка, превратите «день» в «ночь»! Для этого надо вписать в свободные клетки шесть переходных слов так, чтоб каждое слово отличалось от соседних только одной буквой.

д	е	н	ь
н	о	ч	ь

Непонятный рисунок! Если же вырезать из бумаги точно такую решетку и наложить ее на рисунок, сразу все станет ясно. А подвинете решетку вправо или влево на один «прутик» — откроете еще секрет.





В «КОСТРЕ № 5»

Правильный ответ на головоломку «Когда Валин день рождения» прислали Миша Шиленков и Володя Голосуев из Ленинграда, Валерик Фиревич из Пушкина, Оля Иорданская из Владимира, Таня Асланьян и многие другие.

Ребята рассуждают так: со вторника 17 мая в театре «Том Сойер», а на стене театра объявление: «Сегодня «Том Сойер». Значит, разговор Вали с Юрой происходит не раньше вторника 17 мая. Но и не позже 28 мая, так как 28 мая — конференция зрителей, а пионер спрашивает товарища, пойдет ли тот на конференцию.

Однако и во вторник 17 мая этот разговор не мог происходить, так как на стене уже заклеивают афишу от 18 мая. Мог ли он происходить 18 мая? Нет, потому что 18 мая — среда, а по средам зубной кабинет не работает.

Может быть, 19 мая? Нет, потому что 19 мая — четверг, и значит вчера, в среду, девочке не могли удалить зуб в этой поликлинике.

20 мая? Нет, потому что 20 мая — пятница, а по пятницам закрыта парикмахерская.

21 мая? Нет, по субботам поликлиника закрыта.

22 мая? Но тогда вчера была суббота, а в субботу девочке не могли удалить зуб. 23 мая? Но 23 мая — понедельник, а в понедельник магазин тканей закрыт. Значит, разговор происходит 24 мая, во вторник. Следовательно, Валин день рождения 26 мая, в четверг.

Памятник далекой окраины

Есть в Заонежье, в краю тихих озерных вод, небольшой остров Кижи.

Рассказывают, что здесь, путешествуя из Повенца в Петербург, останавливался Петр I. Огромные свежесрубленные деревья лежали возле дороги... Петр I узнал, что лес рубят для церкви, и будто бы сам нарисовал план будущего здания...

Неизвестно, так было или нет, а церковь стоит до сих пор, и кажется, строили ее былинные богатыри. Три восьмигранных сруба, сложенные из вековых сосен, поставлены друг на друга и образуют восьмигранную пирамиду. Каждая грань завершается бочкообразной кровлей — «бочкой», как говорят архитекторы. Над каждой бочкой — главка. Всего двадцать две главки, и расположены они ярусами, не похожие друг на друга — разной формы и величины.

Рядом еще одна церковь — девятиглавая, а поодаль — строгая, напоминающая древнюю сторожевую башню, колокольня. Обе церкви и колокольня — единый архитектурный ансамбль, хотя строились они порознь, в разное время.

Имена старинных зодчих неизвестны. Правда, в о[д]ной легенде упоминается мастер Нестер, который ст[р]вил большую церковь. Закончив работу, Нестер, якоб[ы] бросил топор в Онежское озеро и сказал: «не был[о] нет и не будет такой...»

Видимо, и другие строители так же сильно любил[и] свое дело и гордились им. А работать им приходило[сь] вручную — долотом да топором. Деревянное зодч[ее]ство — все эти здания деревянные — требовало н[е] обыкновенного умения. Даже на кровли шло дерево — лемех — пластинки из осины. Пластинки плотно, к[ак] чешуя, прилегают друг к другу и на солнце отлива[ют] серебром.

Хороши Кижи! На заре четкие силуэты деревянн[ых] зданий, многочисленные главки и крыши кажут[ся] ожившей иллюстрацией к старинной русской сказк[е].

Со всех концов света приезжают в Заонежье т[у]ристы полюбоваться этим старинным архитектурн[ым] ансамблем.

Г. Сахарук, искусствов[ед]

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: *В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приста[ва], Е. В. Серова, Н. В. Теребинская* (*ответственный секретарь*), *В. В. Торопыгин* (*заместитель редакто[ра]*), *Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова*

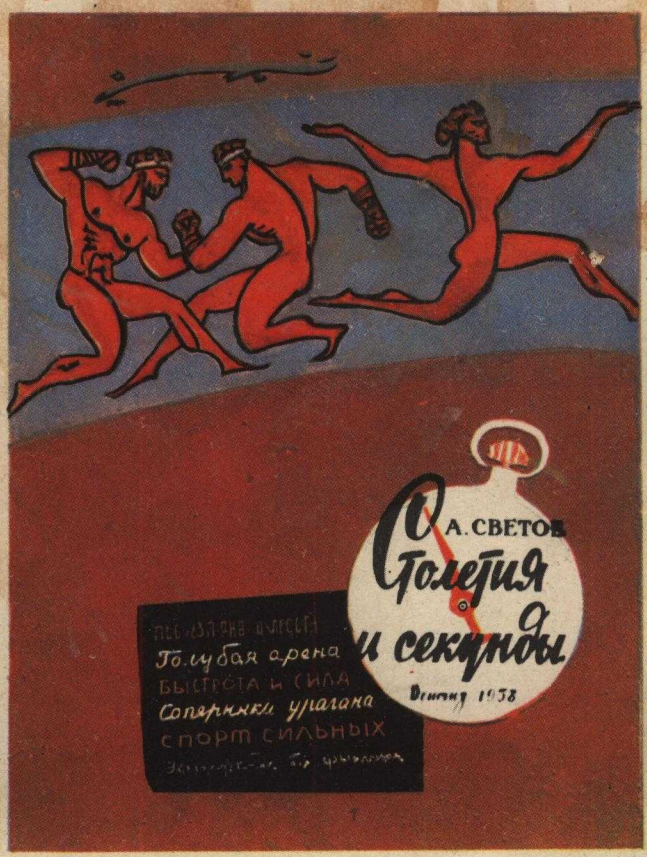
Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Технический редакто[р]
А. А. Дворакове[кая]
Рукописи не возвраща[ются]

М-34676. Подписано к печати 7/VII 1960 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 220 000 экз. Заказ № 1496. Цена 2 р.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

2 р. 50 к.



ПРОЧТИ ЭТИ КНИГИ